

Сердце хочет только одного... любви.

ПЕРЕВОД ГРУППЫ BOOKHOURS

ПОХИТИТЕЛЬ
СЕРДЕЦ
КЕР ДЬЮКИ

Монстры бывают различных форм.

Одним нужны новые блестящие игрушки... другим кровь.

Мона Уолтерс мечтает о приключениях, о мире за пределами побережья, к которому прикована. Она хочет разнообразия в своей скучной, обыденной жизни, но поддается унынию.

До тех пор, пока ожерелье, которое было на ее сестре в ночь ее зверского убийства, не оказывается у двери Моны, перевязанное аккуратным бантом. Это побуждает девушку кинуться на поиски человека, ответственного за смерть сестры.

Мона желала больше... красок в своем сером мире.

Она и не подозревала, как много получит.

И что мир за пределами ее собственного пропитан красным... кроваво-красным.

Мир, о котором она так мечтала, состоит из кошмаров.

Богатый, влиятельный мир двух братьев... и как только те обращают на нее свой взор, они не собираются ее отпускать.

Отец не просто так изолировал ее.

Будьте осторожнее со своими желаниями.

Похититель на свободе, и он придет за сердцем Моны.

«Похититель сердец» Кер Дьюки

Переводчик: Татьяна Соболев

Редактор: Татьяна Соболев

Обложка: Екатерина О.

Вычитка: Татьяна Соболев

Переведено для группы: vk.com/bookhours

*С нашей самой первой встречи я поняла, что ты в моей истории злодей и герой.
Похититель.*

Ты похитил мое сердце из темницы, в которой оно было заключено.

МОНА

Двенадцать лет...

Та-дум. Та-дум. Та-дум.

Прикрыв глаза, я слушаю сердцебиение Клары. Оно успокаивает меня, сердце ритмично бьется в грудной клетке. Глаза тяжелеют, но я стараюсь их не закрывать, не обращая внимания на жжение.

— Спи, Мона.

Слова сестры гулко отдаются в ее теле, грудная клетка трепещет под моей щекой. Я обнимаю ее крепче, прижимаясь к ней всем телом.

— Ты будешь рядом, когда я проснусь? — спрашиваю я, зная, что она соврет.

— Конечно.

«Лгунья, лгунья», — вертится на языке.

Она вздыхает, глядя меня по руке.

— Когда ты подрастешь, я увезу тебя отсюда, покажу все чудеса за пределами этого острова, — шепчет она, чтобы никто не услышал, что она говорит мне такие вещи.

Мои мысли уносятся прочь. Видения нашего дня прокручиваются в голове, словно фильм. Моя сестра окунает пальцы ног в воду, мои возбужденные визги, когда Илай пустился в погоню, изображая чудовище, живущее в глубине вод.

— Папа говорит, что мы станем лидерами, когда подрастем.

Я вздыхаю, ненавидя мысль о том, что мне придется проповедовать слова, в которые не верю, людям, фанатично ослепленным обещаниями, данными им нашим отцом.

Я чувствую, как она выдыхает, как опадает грудь, на которой я лежу.

— Разве ты не хочешь увидеть то, что находится за пределами нашей жизни здесь, Мона?

Хочу. Очень хочу. Вода взывает ко мне во снах, призывая исследовать, выяснить, на самом ли деле мир за пределами нашего так плох, как говорит отец.

— Я хочу приключений, — произношу я, пряча улыбку в ткани ее ночной рубашки.

Она гладит своей маленькой рукой мои волосы, и говорит:

— И они у тебя будут. Обещаю. У нас с тобой будут приключения.

Оглядев нашу унылую серую комнату, в которой нет ничего, кроме кровати и комода, я вздыхаю:

— Когда?

Я заглядываю в ее большие карие глаза. В них пляшет восторг, отчего они кажутся янтарными.

— Когда ты станешь достаточно взрослой, обещаю.

Она немного отодвигается.

— Кстати... — с энтузиазмом говорит Клара, вынуждая меня сесть и достав что-то из-под подушки. — У меня есть подарок к твоему Дню рождения.

От волнения у меня розовеют щеки, и я улыбаюсь.

— Но он только в следующем месяце.

— С каких пор я следую правилам?

Клара вскидывает бровь, ее темные кудрявые локоны обрамляют лицо.

— Закрой глаза, — наставляет она задорным тоном.

Я делаю, как говорит сестра, закрываю глаза и протягиваю руку. Бабочки порхают в животе, от предвкушения я слегка подпрыгиваю на матрасе.

Легкая тяжесть на ладони заставляет меня открыть глаза.

На моей ладони лежит маленькая черная коробочка для драгоценностей с надписью «Сияющие драгоценности братьев Уорд». Мои глаза расширяются, я перевожу взгляд от коробочки к красивому лицу сестры.

Ее длинные, непокорные локоны разлетаются по плечам, она оживает.

— Ну же, открывай.

Дрожащими пальцами я открываю крышку, сердце бешено колотится в груди. Желудок куда-то проваливается, когда я вижу на бархатной подушечке две серебряные цепочки. Такие украшения не купишь на нашем острове. Это, наверное, из города.

— Ух ты, — благоговейно выдыхаю я, глядя на две серебряные цепочки с подвесками-сердечками. Они прекрасны. — Их две?

— Да, — отвечает Клара, берет коробочку и достает цепочку. — Одна для тебя, другая для меня.

Она открывает замок на одной из цепочек.

— Так что, где бы я ни была, ты будешь знать, что мое сердце принадлежит тебе, и я люблю тебя.

— Ты бросаешь меня?

Я задыхаюсь, трепет в животе превращается в боль.

— Нет. Я никогда не брошу тебя, Мона.

Клара наклоняется вперед и застегивает ожерелье на моей шее. Маленькое серебряное сердечко покоится в центре моей груди, в уголке мерцает маленькая блестящая красная жемчужина. И тут я замечаю букву, выгравированную на металле: «К».

— К — Клара, — улыбается она. — А на моей М — Мона.

Она достает второе ожерелье и застегивает его на своей шее. Я провожу рукой по букве «К», радость бурлит внутри меня.

— Мне нравится. Спасибо.

Я крепко обнимаю ее, наслаждаюсь теплом объятий.

Сестра ложится обратно и притягивает меня к своей груди. Я осознаю, что мне придется скрывать цепочку от отца. Последняя девушка, у которой нашли украшения из внешнего мира, провела год в отцовской тюрьме.

— Спи, Мона. Тьма не поглотит тебя, пока я здесь, — заверяет меня Клара.

Обычно меня преследуют кошмары о приближающемся шторме.

Но не сегодня. Она была права. Мысли о счастье и довольстве наполняют мою голову, когда я погружаюсь в сон.

Но я оказываюсь права. Когда просыпаюсь, ее нет.

МОНА

МЕСЯЦ СПУСТЯ...

У меня под ногами тает песок, оставляя в песчинках отзвуки моего существования. Вода набегает волнами и разбивается брызгами о мои голени. Солнце золотит горизонт, прежде чем согреть и придать сияние моей коже. Я представляю, как этим же восходом солнца любуется Клара, на ее красивых губах улыбка, а в сердце — тупая боль от тоски по мне.

Прошел месяц с той ночи, как она ушла и не вернулась. Я сжимаю подаренную ею цепочку, и по ветру разносится моя молитва о том, чтобы Клара за мной вернулась.

— Мона!

Я вздрагиваю, услышав оклик Илая. Я прячу цепочку в карман платья и вижу, как он выбегает из-за деревьев. Илай обхватывает меня за пояс и тянет назад, пока мы оба не падаем на песок, и воздух вокруг не наполняется звуками нашего непроизвольного смеха.

Отец не одобрил бы нашу излишнюю весёлость, обозвав ее утехами. Он называет Клару «непокорное дитя», и, думаю, применил бы это слово и ко мне, если бы видел, как легко и непринужденно я обнажаю кожу и обнимаюсь с Илаем. От соприкосновения с ним я чувствую себя живой, чувствую себя человеком. Отец счел бы это недостатком, оскорблением. Из-за всех этих убеждений и правил обе его дочери хотят от него сбежать, неужели он не понимает, как это иронично? Он держит нас в изоляции на острове, чтобы сохранить нашу чистоту, и от этого нам только больше хочется свободы.

— Почему ты играешь у воды? Ты ведь понимаешь, что это расстроит твоего отца, — шепчет мне на ухо Илай, а затем отпускает меня.

Я поднимаюсь на колени, а он стряхивает со своих брюк песок.

— Мой отец хочет внушить нам страх перед водой, чтобы мы никогда отсюда не сбежали, — не скрывая правды, говорю я.

Здесь даже ноги мочить запрещено. Чтобы никому из нас не пришло в голову пересечь океан, ходят легенды о живущем в его глубинах чудовище. Наш остров — это частная земля, купленная более шестидесяти лет назад отцом моего отца.

Несмотря на то, что до ближайшего крупного города отсюда всего пара часов езды на катере, наш остров похож на свой особый мир. Большинство из нас здесь родились и никогда его не покидали. Тут остерегаются любого влияния извне. Если бы не книги, тайком завезенные теми немногими, кому удалось ускользнуть с острова, я бы вообще ничего не знала о внешнем мире.

— Мона, это место — наш дом, — выдыхает Илай.

Его бесит мой любознательный ум. Илай любит этот остров и то, что я тут, как в ловушке.

«Мой дом там, где Клара».

Протянув руку, Илай убирает с моей щеки прядь волос и нежно мне улыбается. У меня внутри все сжимается от тишины. Илай всегда заботился о нас с Кларой, но, когда мы с ним остаемся одни, бросает на меня затяжные взгляды, от которых мне кажется, что, несмотря на нашу пятилетнюю разницу в возрасте, он видит во мне больше, чем друга. Илай любит нашу

жизнь и верит в видение моего отца, за исключением тех случаев, когда дело доходит до запретных прикосновений ко мне. Он ругает меня за нарушение правил, но сам нарушает самое строгое из них.

Я опускаю взгляд на его пухлые губы, невольно размышляя о том, каково это — целовать их, чувствовать на себе их поцелуи. Это будет так же, как в книге рассказов? Волшебно? Судьбоносно?

— О чем ты думаешь? — спрашивает Илай и проводит языком по своим губам.

Меня воспитали в убеждении, что мои мысли нечисты, и мне следует хранить целомудрие для мужа, но назойливый голос где-то внутри твердит, что моя жизнь — это моя жизнь, и я должна делать то, что мне хочется, а не то, что меня заставляют.

Каждая мысль, идущая вразрез с Писанием, говорит мне, что я непокорная, но, может, в этом и нет ничего плохого.

Мой отец называет это тьмой, что вытесняет Божий свет. Развращает целомудренных. Что такого замечательного в этом целомудрии? Мы пленники не тьмы, а его света.

— Интересно, каково это — целоваться, — пожимаю плечами я.

Илай распахивает глаза, его взгляд будто стекленеет, и уголок моего рта приподнимается в улыбке.

— Ты хочешь, чтобы тебя поцеловали? — наклоняется он ко мне, заслоня солнечный свет.

Я подаюсь к нему, мое лицо в сантиметре от его лица. Каждый выдох — это его вдох. Губы Илая приоткрываются, а грудь все быстрее поднимается и опускается.

Прошептав «Да», я «клюю» носом его нос, вскакиваю на ноги и бросаюсь с берега к опушке леса.

— Вот паршивка! — выкрикивает он, кинувшись в погоню.

От моего смеха с верхушек деревьев взлетают в небо птицы, под бегущими ногами шуршат листья и ветки. Я слышу приближение Илая и визжу, когда он налетает, сбивает меня с ног и кружит. Затем прислоняется к стволу большого дерева, прижав спиной к шершавой коре.

Он слишком близко. В его глазах полыхает огонь.

— Ты знаешь, что мне нельзя тебя целовать, — произносит Илай, но язык его тела говорит мне другое.

— Сегодня мой День рождения, — напоминаю ему я.

Протянув руку, я притягиваю его к своим губам, и он не сопротивляется.

Соприкосновение неловкое, неуклюжее. Мы стучаемся зубами, наша неопытность очевидна.

Земля не переворачивается, и сердце не выпрыгивает из груди. Моя жизнь никак не меняется.

Внутри меня пускает корни разочарование... и они медленно начинают прорастать.

МОНА

Когда я возвращаюсь, в доме тихо. Каждый раз, когда я переступаю его порог, меня переполняет чувство страха. Наш дом находится на границе острова, так близко к гавани, что я вижу ее из окна своей спальни. Ночами я часто думала о том, чтобы сбежать, спрятаться на одном из продовольственных судов, что курсируют в город за продуктами для местного рынка, но меня удерживает страх.

Что, если меня поймают? Отец тогда посадит меня в тюрьму? Очистит от грехов? А что, если меня не поймают, и я доберусь до города? Вдруг те чудовища, о которых говорит отец, разыщут меня раньше, чем Клара?

С чувством разрастающейся в груди печали я крадусь в дом. Я прохожу уже половину пути, но тут меня пугает голос отца:

— Сегодня утром ты пропустила чтение Священного Писания.

Его слова вонзаются в меня, словно лезвие ножа. Сердце бьется о грудную клетку. Я думала, что он в церкви.

— Прости, отец. Мне хотелось увидеть восход солнца. Он напоминает мне о Кларе, — бормочу я.

От звука ее имени лицо отца всегда темнеет, предвещая страшную бурю, грозящую своей непредсказуемостью. Клара его плоть и кровь, но от неприкрытого презрения, которое он к ней испытывает, можно подумать, что я говорю о какой-то грешнице из внешнего мира

Бум. Бум. Бум.

— Твоя сестра нарушила наш закон. Покинув нас, она впустила в душу грех.

Тон его голоса остается удивительно ровным и сдержанным, отчего по моему телу пробегают мурашки. Опаснее всего, когда отец обманывает своим спокойным поведением. Это для того, чтобы вы ослабили бдительность и не заметили в нем дьявола.

— Твой закон, отец, — смело, непокорно говорю я.

К щекам приливает жар. Я ненавижу его законы. Его удар сбивает меня с ног, щеку тут же пронзает боль, от которой перехватывает дыхание.

— Разве я не обеспечиваю вам обеим беззаботную жизнь? — произносит он, шагнув ко мне. У меня дрожат руки, и хочется съёжиться. — Однажды ты займешь мое место и возглавишь наш народ. Этот же закон ты передашь своим детям. Это самый безопасный способ. Единственный способ сохранить души в чистоте.

От его слов что-то у меня внутри умирает. Я не хочу оставаться здесь, кого-то возглавлять... А дети? Я сама еще ребенок. Не думаю, что мы обязаны жениться и плодить как можно больше детей. Это ад.

— Если ты так хочешь, отец, — киваю я.

Потому что я должна. Не стоит и дальше навлекать на себя его гнев. Я поднимаюсь на ноги, изо всех сил сдерживая слезы.

— Да, я так хочу.

Отец резко разворачивается, и я облегченно вздыхаю. Но только я собираюсь сделать шаг в сторону своей комнаты, как он оборачивается:

— И, Мона... никаких больше утренних наблюдений за восходом солнца.

Его слова — скорее предупреждение, чем просьба. По моему языку разливается кислотный ожог тошноты.

И совсем, как цветок без солнца, я увядаю внутри.

— Хорошо, — я пытаюсь пройти мимо него, но отец встает у меня на пути и приподнимает пальцем мой подбородок.

— Ее нет уже месяц. Если она вернется, то уже испорченной внешним миром. Мона, это как болезнь, и Клару от нее нужно будет очистить. Отправляйся к себе в комнату и помолись за ее душу.

К горлу подступает ком, мешая мне сказать что-нибудь еще.

Он и правда ее очистит? Да.

Надеюсь, что Клара никогда не вернется.

Из-за терзающих желудок приступов голода мне приходится покинуть свою комнату в поисках еды. Так отец настоял бы на моем присутствии за ужином, но сейчас он наказывает меня за то, что я пропустила утреннее чтение Священного Писания. Как будто мне нужно читать эту книгу. Я могу пересказать её наизусть.

Я прохожу мимо комнаты матери и вижу, что дверь приоткрыта, а сама она сидит на краю кровати, обхватив голову руками. Осторожно постучав по деревянной панели, я вхожу и опускаюсь перед ней на пол.

— Мама?

Я сжимаю в ладонях ее руки, и мою душу переполняет скорбь, поскольку я вижу в ее глазах слезы.

— Со мной все хорошо, моя милая девочка.

Это не так. На коже у нее под глазом свежий синяк.

— Мама, что случилось?

Она шмыгает носом и, высвободив из моих ладоней руки, вытирает глаза.

— Ничего, — нервно усмехается она. — Я только что упомянула Клару в присутствии твоего отца. Ты же знаешь, каким он бывает.

Он дьявол.

— Отец хочет, чтобы я помолилась за душу Клары, — хриплю я.

Мама шмыгает носом, и к моим глазам подступают слезы.

— Отец здесь вырос, Мона. Он не знал другой жизни.

— А ты? — спрашиваю я, сбита с толку ее намеком.

— Я тоже, но я все же видела внешний мир.

Из моих легких вырывается невольный вздох. Я распахиваю глаза, из них по щекам вот-вот покатятся слезы.

Моя семья послала меня туда вербовать людей, учить их вере и покаянию. Когда народ возглавлял еще твой дед, мы делали это, чтобы привести к Богу потенциальных людей света. Чтобы истинно верующие стали одними из нас.

— Внешний мир и правда такой ужасный, как его описывает отец? Дьявольский?

— Он очень отличается от того, в котором живем мы. Порочный и греховный.

В моей груди открывается рана и с каждой мыслью о том, что Клара там одна, становится все больше.

— Разве нам не следует поехать и найти ее?

— А что, если Клара не хочет, чтобы ее нашли? Тебе бы хотелось, чтобы она вернулась домой вопреки своему желанию?

— Нет. Полагаю, что нет.

— Если Клара решит вернуться, твой отец ее простит, но это должен быть ее выбор.

Мама сжимает мои руки, но я знаю, что он ее не простит. Он планирует ее очистить. В сознании мелькают образы прошлых очищений. В животе нарастает боль.

— Пожалуйста, не обрекай меня на жизнь без обеих моих дочерей, — выпаливает она.

— Что-о-о?

— Вы с ней так близки, думаю, однажды Клара за тобой вернется. Обещай, что не бросишь меня так же, как она.

Разве это мой выбор?

— Мама.

— Пожалуйста, — умоляет она и до боли сжимает мне руки.

«Пожалуйста, мама, не заставляй меня тут оставаться», — хочется закричать мне, но вместо этого я киваю головой.

— Хорошо. Я обещаю.

Внутри меня разверзается бездна, поглощая меня целиком.

МОНА

Дождь шелестит о стену дома, напоминая собой белый шум. Будто я заснула с включенным радио и проснулась от неустанного жужжания, вызванного тем, что станция потеряла сигнал.

Обычно дождь меня успокаивает, но сейчас все по-другому. Сквозь плотный ливень слышен отзвук. Клара.

С усилением бушующей на улице непогоды ее голос становится все громче. Слова Клары рикошетом разносятся вокруг.

— Мона.

Кровь несется по венам, заставляя бешено колотиться мое сердце.

Отбросив одеяло, я вскакиваю с кровати, подхожу к окну и открываю его. Деревянная рама старая и давно нуждается в ремонте. От её скрипа у меня холодеет внутри. Что, если меня услышит папа и подумает, что я сбегаяю, как Клара?

Я поворачиваю голову в сторону двери и прислушиваюсь к звукам из комнаты родителей. Но слышу лишь шум дождя и разносящийся по воздуху, просачивающийся мне в уши голос Клары.

— Мона, — шепчет сквозь деревья ее нежный голос, маня меня в свои объятия.

Та-дам.

Я пробираюсь сквозь небольшое открытое окно, и воющий ветер развеивает мои волосы. Спрыгнув на мокрую траву, я чувствую, как под пальцами хлюпает густая, влажная земля.

Та-дам.

Я никогда раньше не сбегала из дома в грозу, но зов сестры, словно проросшая из живота веревка, тянет меня вперед.

— Мона...

«Я иду, Клара. Подожди, я уже иду».

Ноги пробираются сквозь кустарник, глаза ищут мою сестру.

— Клара! — откликаюсь я. — Где ты?

В ответ лишь тишина.

Ночь застилает небо, сменяя собой день и ухудшая видимость. Здесь слишком темно.

— Клара? — повторяю я, чувствуя, как внутри нарастает страх. — Где ты?

— Мона.

Вокруг меня вибрирует ее приглушенный шепот. Я двигаюсь быстрее, все стремительнее пробираясь в сумрак леса. Ветви хлещут меня по коже, цепляются за одежду, будто охотники, загоняющие свою добычу. По поляне стелется непроглядный туман, поглощая все на своем пути.

— Клара! — кричу я.

— Мона, помоги мне, — ее крик раскалывает небо, словно гром.

Я сжимаю руки в кулаки. У меня получится. Глядя на сгущающийся туман, я расправляю плечи и собираюсь с духом. Согнув колени и оттолкнувшись пяткой от земли, я бросаюсь в густую мглу.

Прорываясь сквозь тьму, я чувствую, как по коже проносится дрожь. Меня хватают чьи-

то руки, пытаюсь затянуть в бездну. Я упрямо слеую за ее голосом. Зажмуриив глаза, я все бегу и бегу, пока не чувствую, что стою в воде. Я распахиваю глаза. Передо мной легким бризом колышется раскинувшийся океан, вот только... это не вода. Кроваво-красные пятна тянутся по песку, насколько хватает глаз.

С моих губ срывается судорожный вздох, и я отпрыгиваю назад. В груди бешено колотится сердце.

Та-дам. Та-дам. Та-дам.

Тяжело дыша, я вскакиваю с кровати, чувствую выступившие на лбу бисеринки пота. Это был просто сон. Просто сон. Сердце сотрясает внезапный, ужасающий звук животного воя. Он отдаётся у меня в ушах, словно раскаты грома. Мое дыхание становится лихорадочным. Я ищю в темноте свою сестру. Вместо нее рядом со мной холод и пустота. Мой мозг отключается, ему нужна секунда, чтобы осознать реальность.

Я перевожу взгляд на окно. Оно слегка приоткрыто, как и всегда по ночам. Я нервно покусываю губу.

Клара ушла.

Она не вернется.

Я чувствую это всем своим существом.

По потолку моей комнаты носятся синие и красные огни, создавая на стене причудливые образы. Что происходит?

Я подкрадываюсь к окну и выглядываю наружу. В гавани стоит катер. Его огни мигают, привлекая зевак. На наш остров никогда не приезжает полиция. Мои внутренности пронзает тупая боль.

По дому эхом разносятся громкие, встревоженные голоса, от которых к горлу подступает обжигающая тошнота.

— Клара? — шепотом зову я.

Я осторожно прохожу по комнате и, выглянув в коридор, прислушиваюсь к голосам. Они становятся более ясными. Оказывается, вой исходил вовсе не от животного — это была моя мать.

Шаркая ногами по полу, я оказываюсь в гостиной.

У ног моего отца сидит мама, цепляясь руками за ткань его пижамных штанов. Он разговаривает с двумя полицейскими. Я впервые вижу их в реальной жизни. У нас на острове свои блюстители порядка. Полицейских я видела только на картинках и в сборниках рассказов.

Они одеты в одинаковую униформу, держат перед собой фуражки, блестящие значки не оставляют сомнений в их полномочиях. И как бы мой отец не хотел закрыться от внешнего мира, их законы распространяются на наш остров.

— Мама? — вскрикиваю я, чувствуя, как меня гложет беспокойство. — Что происходит? Почему здесь полиция?

— Мона, — всхлипывает мама и с трудом поднимается, цепляясь за ноги моего отца. Бросившись ко мне, она крепко обнимает меня и прижимает к себе.

— О, Мона. Она нас покинула, покинула.

Я понимаю, что мама имеет в виду Клару.

Та-дам. Та-дам. Та-дам.

— Все в порядке, мама. Она вернется домой, — заверяю ее я.

Клара должна. Она же обещала показать мне мир.

Шмыгнув носом, мама отстраняется, продолжая держать меня за руки.

— Нет, Мона. Она никогда не вернется домой. Сейчас она в объятиях ангелов.

У меня в ушах начинает колотиться сердце, глаза обжигает огонь.

— Нет, она вернется домой, — срывающимся голосом заявляю я.

Клара приедет, чтобы забрать меня, показать мне мир. Она обещала.

— Она вернется домой, — еще решительнее повторяю я.

— Кэтрин, — рявкает мой отец.

Мама отпускает меня и бочком подходит к нему. Я напрягаю слух, пытаюсь понять слова полицейского:

— Расследование убийства. Нужно, чтобы кто-то официально опознал ее тело.

Убийство... ее тело...

У меня подкашиваются ноги.

И тут до меня доходит.

Я понимаю.

Клара не вернется домой.

Убийство?

— Мама? — плачу я.

Кто-то украл ее свет.

Убийца.

Похититель.

МОНА

5 ЛЕТ СПУСТЯ...

— Мона, — зовет меня голос Клары.

Даже во сне я понимаю, что уже слишком поздно. Она умерла. Вокруг воют сигнальные сирены, неотступно мигают красно-синие огни.

— Мона, — голос искажается, меняется, становится ниже. — Мона.

Мне в ухо врывается порыв горячего воздуха, и я просыпаюсь, резко выпрямившись, как вылетевший из табакерки чертик.

— Шшш, — успокаивает меня Илай с веселой усмешкой на губах. — Ты не встретила со мной на берегу, — шепчет он, и мне требуется пара секунд, чтобы разогнать в голове дремотный туман.

Комната залита лунным светом, ворвавшийся из открытого окна порыв ветра раздувает ткань штор.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я и, вскочив на ноги, отпихиваю Илая к открытому окну.

— Когда ты не пришла, я заволновался.

Его худощавая фигура снова ныряет в окно, через которое он пробрался ко мне в комнату. Я окидываю взглядом свою одежду. Я так и не переделась в пижаму. Видимо, заснула во время чтения.

— Давай же, — торопит меня Илай, протянув руку, чтобы помочь мне выбраться.

Оглянувшись назад и убедившись, что дверь моей спальни закрыта, а гавань свободна, я закусываю губу и вылезает из окна. Держась за руки, мы бежим к линии деревьев, и я чувствую, как в крови вскипает адреналин. Ветер сегодня пронизывающий и жалит мне кожу.

Скрывшись за кронами деревьев, мы тут же переходим на шаг.

— Ты думала о своих планах на завтра? — говорит Илай и засовывает руки в карманы.

Закатив глаза, я отшвыриваю ногой пару листьев, валяющихся у пня, который последние два года был местом наших встреч.

— Мне не хочется идти, — хмурюсь я.

Мысль о завтрашнем очищении Меган вызывает у меня ужас.

Она, как и Клара, мечтала о лучшей жизни и забралась на один из судов, курсирующий в город за продуктами. Ее поймали, посадили на год в тюрьму, а теперь заставляют пройти очищение. Мой отец говорит о зле внешнего мира, но при этом навязывает здешним женщинам свои собственные рамки.

— Я говорил о твоём Дне рождения, — хмурится Илай.

— Ты ведь знаешь, я ненавижу праздновать свой День рождения, — пожимаю плечами я.

В голове проносятся образы моей сестры, и вслед за воспоминаниями во мне вспыхивает уже привычная боль.

— Клара бы хотела, чтобы ты его праздновала. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы

ты жила полной жизнью.

— А что такое жизнь?

Я срываю с висящей над головой ветки листок, и рву его на кусочки. Изо дня в день бродить по этому острову. Слушать слова из книги, которой манипулируют в личных интересах отца и таких же людей, как он. Я опускаю взгляд на свое простое серое платье, и во мне закипает раздражение. Я хочу, чтобы моя жизнь была наполнена красками, хочу сама выбирать себе одежду и носить ее так, как мне заблагорассудится.

— Выйти за меня замуж. Вместе мы сможем править этим островом. Твой отец готов всему тебя обучить. Он хочет, чтобы ты заняла его место в качестве главы нашего народа. Твоего отца огорчает, что у него не было сына, который мог бы стать его приемником. Он хочет, чтобы ты вышла замуж за преданного человека, готового продолжить его наследие и править нашим народом.

— Нашим народом? Ты имеешь в виду остров? Илай, люди — это не наша собственность.

Я складываю руки на груди, глядя ему в лицо. В этом свете его темные глаза выглядят как мокрая грязь.

— И с каких это пор ты так хорошо разбираешься в том, чего он хочет?

Я чувствую себя преданной из-за его очевидного стремления сблизиться с моим отцом, чтобы стать одним из числа его особо приближенных.

— Не будь такой. Ты знаешь, что я намерен однажды возглавить людей.

— Разве ты не хочешь посмотреть, что там за пределами нашего острова? — вздохнув, спрашиваю я.

Илай хватает меня за руку и хмурится так, словно я только что сказала, что земля плоская.

— Мона, ты шутишь? Ты узнаешь, что там: зло. Убийца, отнявший у нас Клару.

Образы лежащей в гробу Клары вонзаются мне в мозг, словно пули из пистолета. Раня, пугая. В ту ночь Клара улизнула точно так же, как и много раз до этого. Видимо, у нее была цель. Человек или место, куда она бежала. Это он отнял у нее жизнь, или какой-то случайный головорез? Вот, значит, какова жизнь за пределами нашего острова — смерть и поджидающие на каждом шагу убийцы?

Мой отец заставил меня увидеть ее труп. Ее кожа приобрела ужасный синий оттенок. Клара выглядела ненастоящей, как мраморная копия прежней себя. На коже от груди до самого паха был длинный разрез. У нее украли сердце прямо из груди. Я никогда не смирюсь с тем фактом, что ее зарезали, пока я спала. Я никогда не избавлюсь от этого образа — или от того, что ее сердце так и не нашли, так нам и не вернули.

— Твоя мать когда-нибудь рассказывала о внешнем мире?

Илай отстраняется от меня и поворачивается, чтобы прислониться к дереву.

— Ты ведь знаешь, что я не люблю о ней говорить. Мне больно от того, что она не истинная жительница острова.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

В ночной тишине, словно неодолимый зов сирен, слышно, как о берег плещутся волны. Я хочу почувствовать их на своих ногах.

— Видимо, там все же было что-то хорошее, иначе Клара бы туда не возвращалась. Ты об этом не задумывался?

— Нет, — огрызается Илай, и я резко поворачиваюсь к нему.

— Прости, — выдыхает он. Подойдя ко мне, он приглаживает рукой мои волосы. — Просто больно думать о том, что она ускользала Бог знает куда Бог знает с кем, а я об этом не знал и не мог ее остановить, помочь ей.

Я понимаю его чувства. Я знала, что делает Клара, и не остановила ее. Разумеется, я была совсем девчонкой, но, если бы я на нее наступила, сейчас она была бы жива.

— Ты когда-нибудь покидал этот остров? — спрашиваю я и вздрагиваю от пробежавших по спине мурашек.

— Нет, и я не хочу отсюда уезжать или быть где-то еще, — Илай снимает куртку и набрасывает ее мне на плечи. — Это наш дом. Наше место здесь. Твое место здесь.

— Я уже не знаю, где мое место, — честно говорю ему я, уголки моих глаз обжигают слезы. Я каждый день чувствую, что задыхаюсь.

— И что это должно значить? — ледяным тоном произносит он, отчего у меня по спине пробегает волна озноба. Меня бесит то, что Илай не чувствует того же, что и я, что он не может понять мою потребность.

— Когда у нас отняли Клару, я как будто потеряла часть себя. Когда ее сердце перестало биться, моя душа покинула тело, — я умоляю его понять, признать, что часть меня умерла вместе с ней. Но он никогда этого не поймет. У него нет ни братьев, ни сестер.

— С тобой все будет в порядке. Твоя потерянная частичка ближе, чем тебе кажется. Она рядом с тобой сейчас, в твоих снах, когда ты закрываешь глаза, в твоих молитвах, когда ты читаешь Священное Писание. Ты должна полагаться на Божий промысел.

— Ты правда в это веришь? — спрашиваю я, глядя на его лицо, освещенное светом пробивающейся сквозь ветви Луны.

Илай красив в классическом понимании этого слова: четкие черты лица, квадратный подбородок, небольшой нос, темные глаза и контрастирующие с ними светлые волосы. Вроде бы все при нем, но, когда мы вместе, чего-то не хватает.

— Всем сердцем. Правила придумали не просто так, Мона. Клара их нарушила, и ее постигла ужасная участь. Это должно убедить тебя в правильности видения твоего отца, его веры.

«Лицемер. Лицемер. Ты говоришь так громко, что ничего не слышишь».

— Мы нарушаем правила, — замечаю я.

Его лицо озаряет улыбка. Илай разжимает ладони и, скользнув ими по моим рукам, хватает меня за бедра. — Мы отходим от правил. Это совсем другое.

— И в чем же разница?

— Ну, когда ты, наконец, примешь свою судьбу, то станешь моей женой, и тогда никого не придется посвящать в тот факт, что мы заключили союз задолго до нашей брачной ночи.

Я игнорирую неприятно стеснение в груди и толкаю его к дереву.

— Ты слишком много болтаешь.

— Тогда заткни мне рот, — ухмыляется Илай, завладев моими губами в поцелуе, от которого у меня в животе не начинают порхать бабочки, как однажды рассказывала мне Клара.

Я обнимаю его, целую с языком и, скользнув руками ему в брюки, поглаживаю выступающую твердость, желая, чтобы во мне пробудились долгожданные чувства. Есть только движения, ощущения. Я играю в игру, выполняю свою часть, вступаю в нужном месте и издаю нужные звуки, но внутри меня тоска, вызывающая к воде, к миру за ее пределами.

— Я люблю тебя, — стонет мне в ухо Илай.

Я изо всех сил стараюсь найти в его словах утешение, осознать, что он говорит правду, но у меня в голове Клара, кричащая: «Беги, живи, ищи приключений!» Не имея фактов о том, что же случилось с Кларой... я никогда не успокоюсь. Где ее сердце? Зачем нужно было его красть? В крови вскипает гнев, а затем печаль и боль сливаются в огненную ярость.

Я отдаю все это Илаю, выдавая за нечто другое — за желание, за любовь.

Мне предстоит пройти много дорог, чтобы добиться для нее справедливости, сквозь сумрак и тьму, но я найду того, кто ее у нас отнял — я потребую возмездия от похитителя сердец.

МОНА

Вокруг меня разносится гул разговоров, нарушаемый всхлипываниями моей матери, все еще оплакивающей потерю своей старшей дочери. Она пытается скрыть свое горе, но я вижу, как она трет глаза. Ей не позволено оплакивать грешницу, но даже спустя пять лет этот день по-прежнему ее гнетет. Позже, когда гости разойдутся, она заплатит за свои слезы.

Мои Дни рождения уже никогда не будут прежними. Этот день не приносит мне радости. Все, о чем я могу думать, — это как пять лет назад стояла в своем черном платье и смотрела на лежащую в гробу сестру. Тогда я чувствовала себя опустошенной, то же самое чувствую и сейчас.

Слухи о ее смерти разнеслись по нашей деревне, как легкий ветерок в летний день, и всем хотелось передышки от мирской жизни. История Клары заразила это место. В сердца молодежи прокрался страх и поселился там, к большой радости моего отца.

Не сходите с пути своего пастора, поскольку, вне его защиты, за пределами нашего острова таятся чудовища, и они украдут ваше сердце.

Чудовище.

Похититель сердец.

Правда в том, что чудовища — это просто злые люди, а зло не может существовать без добра.

Задувание свечей на праздничном торте вызывает бурю аплодисментов. Но, несмотря на свисающие с соседнего столика украшения ручной работы, вокруг царит гнетущая атмосфера.

Это потому, что я отмечаю День рождения, до которого не дожила моя сестра.

Сегодня пять лет с того дня, как ее нашли. И День моего рождения — это дата ее смерти. А через два часа мы будем "очищать" еще одно непослушное дитя за его желание стать по-настоящему свободным.

— Ты загадала желание? — спрашивает мой отец.

Все взгляды устремлены на него, как на Бога.

— Конечно, — натянуто улыбаюсь я.

«Я ненавижу тебя. Ненавижу. Ненавижу».

Мое восемнадцатилетие — это не обычный праздник. На самом деле это не вечеринка. Вместо этого у нас здесь собралась половина острова, чтобы поесть и поговорить о том, как я выйду замуж за местного золотого мальчика, остепенюсь, заведу детей. Тьфу.

Илай был бы славным парнем... но эти люди не осознают, что ему тоже нравится нарушать правила, если это ему на руку. Он жаждет попасть в круг избранных, стать одним из доверенных людей моего отца, говорит о вере и соблюдении правил, но при этом забавляется с дочерью своего лидера — он лишил ее невинности, когда ей было пятнадцать лет.

— Кэтрин, разрежь торт, — приказывает отец, и моя мать, как верная прислуга, вскакивает, чтобы ему угодить.

Будет ли она сидеть и смотреть, как меня заставляют очищаться? Ей не придется этого делать. Я бы предпочла провести всю жизнь в темнице моего отца.

После смерти Клары она замкнулась в себе. Отец все свои силы и внимание направил на эту религию. Он посеял в своих людях страх перед миром за пределами наших берегов. Страх — мощный мотиватор. Как они не видят, кто он на самом деле? Тюремный надзиратель. Палач. Весь этот остров — его тюрьма.

Покинуть остров разрешается лишь тем, кто отправляется за припасами, а все остальные заперты в плену. Он заставляет детей бояться воды — единственной преграды между нами и монстрами внешнего мира. Это только еще больше разжигает во мне желание покинуть это место. Я не боюсь ни воды, ни прибрежных монстров.

— Я слышала, Илай наконец собирается сделать тебе предложение.

Ко мне незаметно подсаживается Мэри, в глазах у нее печаль, но на губах улыбка. Не дай бог, она признается ему в своих чувствах или рискнет заполучить что-то для себя.

— Он будет замечательным мужем. Тебе очень повезло.

У меня перед глазами проносится моя жизнь с Илаем. Обыденная. Одинокая. Пустая. Я чувствую, как сжимаются мои легкие, выталкивая душащий меня воздух. Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но не могу. В груди ноет образовавшаяся брешь.

— Мона, ты в порядке? — ахает Мэри, похлопывая меня по спине.

— Я не могу дышать, — хриплю я. — Мне нужен воздух.

Я отстраняюсь от нее и, толкнув входную дверь, чуть не падаю на землю.

Я задыхаюсь.

Это не может продолжаться всю мою жизнь.

Я достаю из кармана свою цепочку с кулоном и сквозь слезы крепко ее сжимаю.

Я ужасно скучаю по Кларе.

Она должна была забрать меня отсюда.

Должна была вернуться за мной.

На меня обрушиваются воспоминания, и глаза обжигают слезы.

— Мона? — окликает меня знакомый голос.

Я засовываю цепочку в карман. Затем поднимаю голову и вижу, что к дому направляется Клаудия. По телу разливается волна радости. Я подбегаю к ней и падаю в ее распахнутые объятия.

— Эй, — нараспев произносит она, прижимая меня к себе. — С Днем рождения.

Клаудия — единственная женщина, которой разрешено покидать остров. Ее отец отвечает за доставку на остров товаров, продуктов питания и медикаментов. Она работает на него и является моей близкой подругой. Теперь, после смерти Клары, уже она рассказывает мне истории о внешнем мире. Клаудия еще не замужем, что в ее двадцать три года вызывает всеобщее порицание. Если она не поторопится и сама не выберет себе жениха, мой отец, вне всякого сомнения, ей его найдет. Дело в том, что Клаудия предпочитает женщин. Когда придет время, она планирует сбежать с острова. Она мне так и сказала. Клаудию все равно изгонят, если узнают о ее нетрадиционной сексуальной ориентации.

— Хочешь прогуляться? — спрашивает она и подмигивает, похлопав себя по карману.

— Да, — улыбаюсь я и вытираю слезы, отметив тот факт, что у нее есть вкусняшки.

Скрывшись от посторонних глаз, мы идем вдоль берега. Я снимаю обувь, чтобы почувствовать под пальцами песок.

— Я хотела сказать тебе, как сильно дорожу нашей дружбой, — говорит Клаудия, глядя на океан. — Когда Клара... погибла, я боялась, что у меня никогда больше не будет подруги.

Она вытирает скатившуюся по щеке слезу.

— Я не думала, что у меня когда-нибудь снова будет такая же подруга, как она, но ты оказалась именно такой. У тебя такой ясный ум при том, что всю свою жизнь ты слушала только проповеди твоего отца.

— Я читала, — пожалв плечами, ухмыляюсь я. Это книги, которые она тайком привозит мне из внешнего мира.

— Я уезжаю, — прозаично заявляет она.

У меня замирает сердце, холодеет внутри. Я знала, что это произойдет, но почему именно сегодня?

Клаудия замедляет шаг, останавливается и сжимает в своих руках мои ладони.

— Если хочешь, я возьму тебя с собой.

«Та-дам. Та-дам. Та-дам».

Хочу ли я этого? Да.

Слова матери вступают в противоборство с моими желаниями сбежать из этого места, найти то хорошее, что искала Клара. Почувствовать себя ближе к ней, жить ради нее, ради нас обеих.

«Обещай мне, что никогда меня не оставишь». Все это время эти слова не выходили у меня из головы.

— Я понимаю, что это слишком, и мне не следовало сваливать это на тебя, но мой отец настаивает на том, чтобы я вышла замуж, родила детей, — она вздрагивает. — Я кое-кого встретила.

Я распахиваю глаза, в животе у меня все переворачивается, как будто я съела выловленную прямо из воды рыбу.

— Как... кого? — еле слышно произношу я.

Ее щеки заливаются розовым румянцем, в красивых глазах появляется мечтательный взгляд.

— Она один из наших поставщиков. Я хочу быть с ней.

— Ты действительно уезжаешь от нас, — вздыхаю я.

— Если я этого не сделаю, то буду жить во лжи. Это нечестно по отношению ко мне и к тому, за кого меня заставят выйти замуж. Я больше не могу притворяться.

Она — глоток свежего воздуха. Она вселяет в мое сердце надежду на то, что я тоже смогу найти место за пределами острова.

— Я горжусь тобой.

Я обнимаю Клаудию и очень за нее рада, но мне грустно, потому что я буду по ней скучать. Она единственный человек, который понимает мое стремление увидеть своими глазами, что там во внешнем мире.

— Моя девушка поможет мне найти жилье, работу. Я вижу, тебе, как и Кларе, не нравится быть привязанной к этому месту, так что, если хочешь поехать со мной, встретимся сегодня в полночь на пристани. Если ты не придешь к пяти минутам первого, я уеду, и у тебя больше никогда не будет такого шанса.

— Что, если я туда приду, а тебя нет? — спрашиваю я, приподняв бровь.

— Тогда ты садишься в лодку и покидаешь остров. Не жди меня.

В ее голосе нет ни капли юмора. Между нами повисает молчаливое обещание жить той жизнью, которую мы заслуживаем.

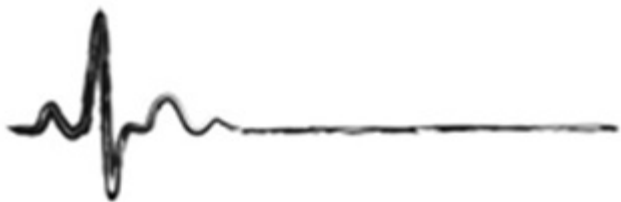
У меня в груди бешено колотится сердце, в животе что-то кружит, выбивая меня из колеи.

— Вот, — Клаудия достает из кармана конфеты и насыпает их мне в ладони. — С Днем рождения, Мона.

— О боже мой! — визжу я.

— Не забудь, в полночь.

— В полночь, — киваю я.

К моему возвращению домой я уже съедаю половину конфет, остальное прячу в карман куртки и провожу пальцами по губам, чтобы скрыть все следы сладкого, сахарного, запрещенного лакомства.

Мой взгляд натывается на аккуратно упакованный сверток на ступеньках ведущего к дому крыльца.

Подарок? Он маленький с аккуратно перевязанной бантиком лентой.

Я поднимаю его, и красная лента выпадает из моей руки. Нет ни карточки, ни ярлычка, на котором было бы написано, от кого он. Я оглядываюсь вокруг, чтобы посмотреть, не прячется ли тут кто-нибудь, но, кроме меня, здесь никого нет. Прикусив губу, я решаю, что это, видимо, мне.

Внутри меня загорается трепет предвкушения. Я рву бумагу, кидая на землю обрывки, пока у меня в руках не остается спичечный коробок. Я смотрю на коробочку, недоумевая, зачем кому-то понадобилось такое дарить... и красиво это заворачивать.

Я встряхиваю коробок, и слышу, что внутри что-то гремит. Нахмурившись, я его открываю.

Нет...

У меня подгибаются ноги. Я падаю на ступеньки, выдохнув из легких весь воздух.

Этого не может быть...

Я вытаскиваю из коробка цепочку и накручиваю ее на пальцы. Серебряное сердечко, точно такое же, что и у меня в кармане.

На нем выгравирована буква «М» — «Мона», чтобы я всегда была рядом с ее сердцем.

Изящный красный драгоценный камень.

Это цепочка Клары.

Та самая, что была на ней в ту ночь, когда она ушла.

Как это сюда попало? Кто мог это сделать?

Мое сердце сковывает боль, а глаза застилают слезы. Мне нужно узнать, что с ней случилось. Нужно найти похитителя сердец.

МОНА

Я возвращаюсь в дом, и все взгляды тут же устремляются на меня. У меня подкашиваются ноги. В голове все как в тумане. Сквозь небольшое скопление людей проталкивается Илай, его брови нахмурены.

— У тебя такой вид, словно ты увидела привидение. Ты в порядке? Куда ты ходила?

Я не беру его протянутую руку, несмотря на то, что едва стою на ногах.

— Со мной все в порядке.

— Хорошо. Потому что...

Он поворачивается лицом ко всем гостям и поднимает руки, чтобы привлечь их внимание.

— Я очень рад, что мы все собрались здесь, чтобы отпраздновать восемнадцатилетие Моны, такой особенный возраст. А она такая особенная женщина. Я хочу воспользоваться этим моментом и перед всеми самыми дорогими ей людьми сказать ей...

Повернувшись, Илай опускается на колени.

«Нет, нет, нет. Этого не может быть».

— Я люблю тебя.

«Нет... остановись».

Он лезет в карман и достает коробочку.

К глазам подступает чернота. Я сейчас упаду в обморок. У меня сводит живот.

— Мона Уолтерс, сделаешь ли ты меня самым счастливым мужчиной на этом острове и в целом мире, оказав мне честь стать моей женой?

Вверх по моему пищеводу поднимается жар. Я открываю рот, и в этот момент меня выворачивает. Я не в силах это контролировать или остановить, и все съеденные мною конфеты выплескиваются на него.

По комнате прокатывается сокрушительная волна вздохов.

Я смагиваю застывшие слезы.

— Прости, — выдыхаю я и, зажав рот ладонью, проношусь мимо Илая, чтобы сбежать в ванную.

Я сплевываю в унитаз остатки кислоты и прополаскиваю рот водой, а затем умываюсь.

Несколько мгновений спустя в дверь стучит мой отец.

— Мона, у тебя все в порядке? Ты больна?

— Да, — со стоном произношу я, опуская голову в раковину.

Ложь, ложь, ложь. Этот остров — вот где настоящая болезнь.

— Я скажу всем, чтобы уходили. Тебе следует умыться и отдохнуть перед очищением.

— Думаю, мне придется его пропустить. Я больна.

«Ложь, ложь, ложь».

Я снова ополаскиваю лицо водой и чищу зубы, чтобы избавиться от неприятного запаха изо рта. Боже, каким же унижительным все это было. Илай знал, что я не готова к браку. Возможно, для девушек нашего острова восемнадцать, а иногда и меньше — это стандартный возраст для вступления в брак, но для меня это знак конца. Отказ от молодости, от своей свободы. Что ожидается после замужества, так это дети, а я даже не

знаю, хочу ли детей.

Я не могу этого сделать. Я открываю дверь и, ахнув, пячусь назад. На меня надвигается отец, вынуждая отступить внутрь. Схватив меня за лицо, он просовывает пальцы мне в рот и, открыв его, принюхивается к запаху моего дыхания. У него в руках обертка от конфеты.

— Ты выронила это, когда спасалась бегством!

«Бух. Бух. Бух».

— Это не мое.

— Лгунья! — рычит он.

Заткнув раковину, он наполняет ее водой.

— Я предупреждал тебя, что внешний мир — это яд. Даже их конфеты, замаскированные под сладости, в желудке превращаются в кислоту.

Отец окунает меня головой в воду, и она попадает в мой открытый рот. Когда я нечаянно вдыхаю, затекает мне в горло и легкие. Отец рывком вынимает мою голову из воды. Она струями стекает по моему лицу и телу. Волосы прилипают к голове.

— Где ты их взяла?

— Они не мои, — выдыхаю я, затем делаю большой глоток воздуха, и отец снова погружает меня под воду. У меня в груди горят легкие, требуя воздуха.

Он вытаскивает меня обратно.

— Где?

— Они лежали на ступеньках в спичечном коробке.

Ложь.

Отпустив меня, отец убирает с моих глаз волосы.

— Почему ты так меня испытываешь?

Мне хочется закричать: «Потому что ты никакой не глас Божий!» Но я этого не делаю. Вместо этого я даю ему ответ, которого он жаждет.

— Прости.

— Возьми себя в руки. Нам нужно присутствовать на очищении.

— Пожалуйста, отец, можно мне отдохнуть?

— Твоё чревоугодие — грех, и от этого ты заболела. Возьми себя в руки.

Я склоняю голову, к желудку снова подступает тошнота.

— И, Мона...

Я поднимаю глаза.

— Ты примешь предложение Илая.

— А если я откажусь?

— Ты этого не сделаешь.

Неужели он не понимает, что убивает меня?

+

— Я не хочу быть частью этого.

Я проглатываю беспокойство, омывающее содержимое моего желудка.

— Она нечиста на руку, Мона. Одному богу известно, сколько раз она тайком сбегала с острова и общалась с нечистыми, — цыкает на меня Мэри.

Она и впрямь идеальная пара для Илая.

— Я с нетерпением жду вашей свадебной церемонии, — вставляет Мэри, как будто в этом нет ничего особенного.

В историях, дошедших от нас из внешнего мира, таких ритуалов нет. Мой отец называет

их ритуалами, но на самом деле это наказания. В комнате полно мужчин, женщин и детей в возрасте от тринадцати лет и старше. Это не их выбор. Все очищения обязательны. К счастью, на моем счету, это всего четвертая.

Мой отец занимает центральное место в нашей церкви, и в комнате воцаряется тишина. Он читает из книги Священных Писаний, в которой содержится история верований “наших народов” — священной книги, дополнять которую могут только вожди света.

Однажды Клара сказала мне, что во внешнем мире нас называют сектой, и что наши вожди манипулируют книгой Священных Писаний. Это не истинные слова Бога. Яи без нес это знаю.

— Да будет она очищена от тьмы и греха. Вверив свое тело людям света, если она будет благословлена ребенком света, она очистится и возродится в вере, — продолжает бубнить мой отец, пока я пытаюсь от него отгородиться.

Он жестом велит Меган выйти вперед. Ее белое одеяние развеивается за ней, как вуаль.

— Ты хочешь, чтобы тебя простили за твои греховные поступки? — спрашивает ее он.

Меган выглядит совсем не так, как я ее помню. У нее бледная кожа, а лицо осунувшееся из-за потери веса. Волосы коротко подстрижены по всей голове.

Мой взгляд падает на мать Меган, она сидит, сжав руки на коленях. Её лоб нахмурен от выражения тревожного напряжения, а в уголках глаз залегли тонкие морщинки, как будто за последние двенадцать месяцев она постарела на десять лет.

— Да, хочу, — заявляет Меган, к облегчению своей матери. Она расстегивает халат и подходит к тому месту, где на подушке лежит книга света.

Я закрываю глаза, пытаюсь избавиться от вида ее выпирающих из исхудавшего тела ребер и едва заметной груди.

Она опускается на колени, кладет руки по обе стороны от книги и утыкается лицом в обложку, выставив при этом ягодицы. У меня разрывается сердце от того, что нам всем приходится видеть ее такой.

— Избранные, пожалуйста, выйдите вперед, — приказывает мой отец.

Мой отец выбрал десять мужчин, чтобы они заполнили ее чрево своим семенем в надежде снискать ей прощение. Если это не поможет, она проведет еще один год в заключении, и ей придется проходить через это снова и снова, пока она не “очистится” — не забеременеет от кого-то, кого она не любит, за кого не выходила замуж и не выбирала. У меня гудят ноги от желания сбежать. Но если я это сделаю, то следующей буду уже я. Напряженная тишина почти оглушает. Какое-то движение привлекает все взгляды к передней части церкви. Там в своих одеждах стоят двое избранных, это братья. Одному еще нет и шестнадцати. По помещению эхом разносится приглушенный шепот, когда со своего места поднимается Дэниел. Он вместе со своим отцом, который уже женат и имеет трех жен.

Меган обшаривает глазами толпу, без сомнения, пытаясь различить, кто одет в халат, а кто нет.

Все головы поворачиваются к Джейсону Нексту, старшему брату Мэри, он недавно женился и теперь в ожидании первенца. От лица его жены отливает кровь, одной рукой она инстинктивно потирает растущий живот, а другой — вцепляется в сиденье так, что белеют костяшки пальцев.

Рядом, не без помощи сына, поднимается Гилберт, поскольку путается ногой в своем балахоне. Видя это, Меган сильно зажмуривает глаза, и из них вытекает слеза. Я молюсь,

чтобы по пути к алтарю он споткнулся и вывихнул бедро. Ему за шестьдесят, и он ужасный, преданный исполнитель воли моего отца, а до этого его отца — искренне верующий и один из основоположников наших законов и книги света.

У меня сводит желудок.

Меган девятнадцать.

«Прекрати это. Не делай этого. Меган, скажи им «нет»!»

Далее встают еще двое мужчин и присоединяются к остальным.

Из-за внезапного вздоха Мэри несколько человек поворачиваются в ее сторону. Она распахивает глаза и краснеет. Проследив за ее взглядом, я вижу стоящего там Илая.

«Нет».

Он останавливает свой взгляд на мне, затем переводит его на алтарь.

Душа сотрясает кости у меня под кожей, желая прорваться сквозь плоть и исчезнуть. Я хочу, чтобы он отказался, но ноги сами несут его к моему отцу, как послушную овечку. Я даже не заметила, что на нем был балахон.

Я ненавижу его.

— Да прольет наш Господь свой свет на тебя, — говорит мой отец, затем кивает сыну рыбака.

Тот раздевается и занимает свое место позади Меган. Мое горло обжигает тошнота, когда он прикасается к себе, чтобы иметь возможность в нее проникнуть. Парень хватается за бедра, и Меган впивается зубами в нижнюю губу, затем из-за его вторжения издает вздох и всем своим хрупким телом дергается вперед. Он кряхтит, двигая бедрами, и все взгляды прикованы к этой мерзости. Я закрываю глаза и пытаюсь не обращать внимания на стоны и шлепки по коже.

Когда этот заканчивает, на колени позади Меган встает другой, а затем следующий, и все они оставляют в ней свою сперму. Повисает пауза. Я открываю глаза, чтобы посмотреть, что происходит. Самый младший из избранных, Дэниел, плачет.

— Я не могу, — выдыхает он, потирая свой член. Мой отец жестом приказывает ему отойти с дороги и начинает раздеваться.

«О Боже, пожалуйста, нет».

Он шлепает Меган по ноге, заставляя ее еще больше приподнять ягодицы, затем жестоко берет ее, от чего она вскрикивает. Отец набрасывается на нее как животное, от чего она так сильно впивается руками в подушку под книгой, что у нее белеют костяшки пальцев. Рядом, ожидая своей очереди, пускает слюни старик.

У меня сводит челюсть от того, что я так сильно ее сжимаю, по щекам текут слезы, когда я вижу, как позади заплаканной Меган занимает свое место Гилберт. Он делает внутри нее всего три толчка, а затем падает ей на спину и со стоном высвобождается.

Жаль, что я не могу улететь с ней отсюда, отрастить крылья и унести ее в лучшее место. Где оно?

Илай занимает свое место последним, его взгляд прикован ко мне.

Я смотрю прямо на него в упор, прищурился глаза, от меня волнами исходит лютая ненависть.

«Я никогда тебе этого не прощу».

Из его глаз сочатся извинения, но он не сожалеет. Будь это действительно так, его бы там не было. Я почти умираю, когда Илай входит в измученное, израненное тело Меган. Она издает страдальческий стон, закрывает глаза и стискивает зубы.

Он держит ее за бедра, из которых торчат маленькие, хрупкие косточки, толчки Илая медленные и мучительные. Отголоски ее страдальческих стонов наполняют ядовитую атмосферу, обжигаящую мозг. С каждой секундой, когда Илай соприкасается с ее кожей, я все больше впиваюсь ногтями в свою. Мою ногу пронзает боль, даруя мне передышку. Мы крутимся в ловушке бесконечного цикла, пока он пытается исполнить свой долг, полностью осознавая, что я здесь и наблюдаю. Мне бы хотелось, чтобы ему было легче, лишь бы Меган не приходилось терпеть его дольше, чем это необходимо.

Наконец, он со стоном выходит из нее, и его кожа блестит от пота. Мой отец одаривает его лучезарной улыбкой. Я хочу убить их всех.

Наконец опускается завеса, объявляя о завершении ритуала. Я выбегаю из этого места раньше всех остальных. Мне хочется вырваться из своей кожи и развеяться по ветру. Я не могу так жить, с такими традициями. Это болезнь, под маской веры. Как может какой-либо Господь, любой Бог хотеть, чтобы его дети терпели такое?

— Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает Мэри, догнав меня.

Мне хочется закричать ей в лицо, но я сдерживаюсь. Она верующая, преданная и очень правильная.

— Я в порядке. Просто меня недавно вырвало и теперь подташнивает.

Я киваю ей и машу на прощание.

У меня есть всего пара часов до того, как мой отец вернется в дом. И мне нужно это время.

МОНА

Мою кожу обжигает льющаяся из душа ледяная вода. Я рыдаю и кричу в поток, сознавая тот факт, что меня не услышат.

Открыв дверь ванной, я высовываю голову, чтобы убедиться, что путь свободен, затем убегаю в свою комнату и захлопываю дверь. С бешено колотящимся в груди сердцем я сажусь на кровать и достаю из кармана спичечный коробок. На пол с тихим звуком падают несколько конфет.

Меня пугает раздавшийся стук в окно. Я быстро засовываю спичечный коробок под подушку и, подойдя к окну, приоткрываю его.

— Мона — выдыхает Илай, все еще стоя в своем белом одеянии.

Мне хочется снова на него наблеть.

— Ты в порядке? — нахмурившись, спрашивает он.

— Нет, я не очень хорошо себя чувствую.

Еще одна ложь.

— Милый наряд, — морщусь я, указывая на его балахон.

— Прости. Ты же понимаешь, что от этого я не могу отказаться.

— Да уж, — недоверчиво качаю головой я.

— Насчет предложения.

Повозившись, он вытаскивает коробочку с кольцом внутри. Оно что, было у него в кармане, когда он осквернял бедную Меган?

— Илай, — предупреждаю я, качая головой.

— Ранее ты не смогла мне дать ответ... ну, не тот, на который я надеялся. — Он смеется, но смех неловкий, нервный, фальшивый.

— Я уже говорила тебе, что не готова к...

— К чему? Быть со мной по-настоящему? Может быть, ты видишь себя с кем-то другим?

«Да! После того, что ты сделал, с кем угодно, только не с тобой. Ты вызываешь у меня желание оттирать свою кожу до тех пор, пока память о твоих прикосновениях не сойдет с нее с кровью».

— Нет, дело не в ком-то другом, дело во мне.

Илай заглядывает мимо меня в комнату.

— Здесь была Клаудия?

Я слежу за его взглядом, остановившемся на конфетах.

— Я виделась с ней ранее. А что?

Илай знает, что она снабжает меня разными вещами — нашими вещами. Например, противозачаточными средствами в виде презервативов, которые он прячет для наших совместных ночей.

— Как она? Ходят разговоры о союзе между ней и Эндрю Миллером.

— Серьезно?

У Эндрю уже есть две жены.

— Я правда неважно себя чувствую, Илай, — говорю я и для убедительности провожу рукой по животу.

— Переела конфет, — улыбается он, потирая рукой затылок.

— Может быть.

— Твой отец захочет услышать твой ответ на мое предложение. Он настаивает.

«Я ненавижу тебя за это».

На небо у меня над головой наплывает темная туча, надвигается дождь. Мне нечем порадовать своего отца, и он заставит меня сделать это силой. Илай понял это, когда опустился на колени. Это вызывает боль у меня в душе. Илай прежде всего должен был быть моим другом, а это похоже на худший вид предательства.

— Я понимаю, что ты на меня сердисься, но отец Мэри разговаривал с моим отцом о возможном союзе, и я не могу... У меня не будет больше никакой жены, кроме тебя. Так планировалось изначально, мы просто должны сделать это раньше, чем ты захочешь.

— Раньше, чем я захочу? — спрашиваю я.

— Я был готов взять тебя в жены с тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать, и ты подарила мне свою девственность.

«Это было больно и закончилось в течение нескольких минут — самое большое разочарование того дня, — и мне было пятнадцать», — хочу сказать ему я, но ничто из того, что я говорю, не достигает его понимания.

— Дай мне ночь подумать. Пожалуйста, давай мы поговорим об этом завтра? — спрашиваю его я, прекрасно осознавая, что здесь для меня не будет никакого завтра. Сегодня ночью я сбегу вместе с Клаудией. Это причинит боль моей матери, но мне нужно выяснить, что случилось с Кларой. Я должна ей (и самой себе) — увидеть, что пробудило в ней желание уйти, что было настолько заманчивым, что ей пришлось вернуться. Мне никогда больше не придется смотреть на лицо Илая, осознавая, на что он способен.

— Ладно. Завтра. Мона... Я люблю тебя. Обещаю, что не возьму другую жену. Ты для меня все, навсегда. Помни об этом.

— А как насчет последующих очищений? Меган может в скором времени разгуливать беременной твоим ребенком, — возражаю я.

— Ребенком Господа. Ты понимаешь, что очищение связано с Божьим прощением. Ни один из принимающих участие мужчин не обязан быть с ней после этого.

«Меня от тебя тошнит».

— Мне нужно поспать.

— Ладно. Я люблю тебя.

Закрыв окно, я задергиваю шторы и собираюсь с силами, пытаюсь привести в порядок свои мысли. Я оставляю конфеты под подушкой на тот случай, если мама придет меня искать. Она поймет, почему мне пришлось уйти, и, надеюсь, простит меня за то, что я нарушила данное ей обещание.

Я слышу, как открывается и закрывается входная дверь. По дому разносятся голоса моих родителей. Тяжелые шаги приближаются к моей комнате, и я задерживаю дыхание, мое горло сжимает страх. Дверь открывается, и в комнату вламывается мой отец с ящиком для инструментов.

— Отец? — спрашиваю я, когда он подходит к моему окну и начинает забивать его гвоздями.

«Нет!»

Страх проникает в самую суть существа, раскалывая мою душу.

Откуда он мог узнать? *Илай?*

Не обратив на меня никакого внимания, он подходит к двери моей комнаты и, закрыв ее за собой, задвигает маленький засов. Я бросаюсь к ней, но щелчок замка подсказывает мне то, что я и так уже давно поняла: меня заперли.

Выключив свет, я заползаю на кровать, хватаю подушку и кричу в нее. Я хочу воззвать к потустороннему миру и умолять Клару прийти за мной. Я бы предпочла умереть, чем провести остаток своей жизни в плену.

У меня тяжелеют веки. День был крайне утомителен.

Но если я засну, то признаю свое поражение, и все кончено. Крепко зажатая в моем кулаке цепочка с кулоном кажется бомбой замедленного действия.

Это было скорее предупреждение, чем знак.

В мою комнату проникают тени, прогоняя свет, скрывая меня в своем убежище. Скоро наступит полночь. Я ждала этого долгих пять лет, а теперь меня этого лишают.

Калейдоскоп картинок из смерти моей сестры и очищения Меган кружит в голове, разъедая меня изнутри.

Мы заслуживаем ответов и стремления к свободе. Меган хотела свободы. Если у меня получится, это будет не только ради меня. Это будет ради Клары, Меган и всех таких же девушек, как мы.

Я как можно тише собираю свою сумку и засовываю ее под кровать. Как только этот засов откроется, я найду способ отсюда выбраться.

Я буравлю взглядом часы, и мне хочется вцепиться ногтями в собственную кожу. Тихий щелчок привлекает мое внимание к медленно открывающейся двери моей спальни. За ней стоит моя мать и смотрит на меня с болью в глазах. Прижав к губам дрожащий палец, она шепчет мне: «Ш-ш-ш», а затем уходит.

Мне хочется заплакать, но я умудряюсь сдержаться.

Она меня отпускает.

Освобождает меня.

Я выхватываю из-под кровати сумку. Мое сердце бьется, как военный барабан. Каждая секунда кажется битвой за выживание. Если меня поймают, игра окончена. Мой отец никогда не выпустит меня из виду, а Илай никогда меня не простит. Перекинув лямку сумки через плечо, я крадусь по дому. Входная дверь для меня открыта.

«Спасибо тебе, мама».

Я выбегаю из дома и, направляясь прямо к причалу, смотрю на часы.

11:55.

Она там. Я вижу ее.

— Клаудия, — шепчу я, привлекая ее внимание.

На ее губах проступает улыбка, и на лице отражается облегчение.

— Ты пришла, — выдыхает она.

Секунду мы обнимаемся, благодарные друг другу за то, что обе здесь. Вдоль причала выстроились ряды больших рыболовецких судов, а также три грузовых судна и пара, спрятанных между ними деревянных лодок поменьше. Нервы разъедают мне внутренности. Меня захлестывает волна беспокойства, когда Клаудия подталкивает меня к причалу и забирает у меня сумку, одновременно оглядываясь вокруг.

— Садись, — указывает она на маленькую лодку, используемую для проверки периметра.

Я приоткрываю рот. Вблизи она кажется намного меньше. Это вообще безопасно?

— И надень это, — Клаудия берет спасательный жилет и протягивает его мне.

— А мы разве не поедem на лодке твоего отца? — я прикусываю губу и надеваю жилет, чувствуя, как бешено колотится мое сердце.

— Хочешь, чтобы он кинулся ее искать? — спрашивает Клаудия, вопросительно приподняв бровь.

Нет.

Черт возьми, нет.

Боже, конечно, нет. Логично взять ту, что поменьше. Ее используют только для осмотра границ острова.

Я достаю из кармана цепочку и застегиваю ее на шее, чтобы облегчить надвигающийся эмоциональный срыв.

— Сколько потребуется времени, чтобы доплыть на этом до берега?

С помощью Клаудии я забираюсь в лодку, но замираю оттого, что она раскачивается, практически сбивая меня с ног. Я делаю пару вдохов, затем осторожно сажусь, радуясь, что на дне лежит пара сложенных одеял.

— В ней есть мотор, который мы заведем, как только окажемся достаточно далеко от берега. Мы ведь не хотим вызывать подозрений шумом.

Я поднимаю веревку, прикрепленную к мотору, о котором она говорит.

— Пока не дергай за нее! — предупреждающе поднимает руку Клаудия, и я отпускаю веревку.

— Ладно. Он от этого заведется?

— Да, — выдыхает она, и на мгновение закрывает глаза.

Когда Клаудия снова их раскрывает, то ее взгляд падает мне на грудь, к висящим там цепочкам. Она, нахмурившись, рассматривает маленькие кулончики.

— Где ты взяла второй? — с удивлением спрашивает она.

— Ты знаешь, где она их купила?

В моем голосе звучат настойчивость и надежда. Отследив последние передвижения Клары, предшествовавшие ее убийству, можно раздобыть ключ к поиску того, кто с ней это сделал.

— Клаудия? — раздается голос из темноты. — Это ты?

О Боже мой, нас поймали. У меня в горле застрекает ком, страх сковывает мышцы. Дерьмо. Мой отец никогда не позволит мне уехать. За это он устроит мне очищение на глазах у всей деревни. Мое горло обжигает кислота, и на глаза наворачиваются слезы, но Клаудия прижимает к губам палец в молчаливом призыве молчать.

— Клаудия, это ты? Что ты делаешь?

По причалу проносятся шаги, и в глазах Клаудии загорается страх. Ее взгляд скользит через плечо к своим сумкам, все еще стоящим слишком далеко от нас. Мысль о неудаче искажает ее черты, и вся она как-то сникает. Затем бросает мне в ноги мою сумку.

— Клаудия? — шепотом кричу я.

Покачав головой, она отвязывает от причала лодку и впивается в меня своим испуганным взглядом:

— Спрячься под одеяло. Не высывайся, что бы ни случилось. Обещай мне.

Клаудия прыгает обратно на причал и бросает мне какой-то маленький предмет.

— Возьми это. Найди братьев Уорд. У них все ответы. Именно там было найдено тело твоей сестры, в их имении. Отправляйся прямо на восток, ты его не пропустишь. Плыви

прямо на восток, Мона. Она доставит тебя туда, — инструктирует она, сталкивая лодку в воду.

— Подожди... ты не поедешь?

— Плыви, — призывает Клаудия, пока я сползаю на дно лодки и натягиваю на себя одеяло, чтобы спрятаться.

Сквозь небольшой зазор между лодкой и одеялом я вижу ее силуэт как раз в тот момент, когда чья-то рука зажимает ей рот. Нет, нет, нет. Ее оттаскивают назад, и по моим щекам льются слезы. Уже слишком поздно. Ее поймали. Боль тисками сжимает мою грудь. Предполагалось, что это будет ее побег. Я жду, вернется ли охранник. Видел ли он, как отчаливала лодка, прежде чем схватил Клаудию? Затаив дыхание, я начинаю считать. Когда я досчитываю до тысячи, и причал исчезает из виду, я сажусь, разглядывая брошенный Клаудией предмет. Компас. Я всей душой горюю о том, чего она лишилась, помогая мне, но понимаю, что обязана сделать это ради нее. Взяв весла, я начинаю грести в темноту, позволяя ей меня поглотить. Пути назад нет.

Я уже это делаю.

Я свободна.

Оказавшись достаточно далеко от берега, я дергаю за веревку, чтобы завести маленький мотор. Ничего не происходит. Нет, нет, нет. Я тяну снова, чуть ли не падая, воздух пронзает порыв шума, а затем затихает. Проклятье! В отчаянии и решимости я сильнее дергаю за веревку. Наконец, после еще двух сильных рывков мотор оживает. Я молча благодарю Клаудию и вздыхаю с облегчением. Заняв свое место, я успокаиваю дыхание и затем направляюсь на восток, как мне было велено.

Ночь холодная. Начинает накрапывать дождь. Я смотрю в пустоту, меня ослепляет чернота ночи. Время бесконечно. Я плыву по течению уже несколько часов, по меньшей мере три. Издалека мерцают огни, с каждым моим затрудненным вдохом становясь все ближе. Раздается резкий скребущий звук, и лодка начинает раскачиваться. Вода хлещет, переливаясь через бортики. Лодка ударяется о камни, и меня трясет и швыряет из стороны в сторону.

Я пытаюсь удержаться, но меня выбрасывает за борт, я погружаюсь в ледяную воду, от которой перехватывает дыхание. Благодаря жилету я удерживаю голову над поверхностью, пытаюсь дышать и обрести хоть какой-то контроль. Под водой я ударяюсь обо что-то ногой, и мои нервные окончания пронзает резкая боль. Я тяну вперед руки, хватаясь за валуны, страх и отчаяние вынуждает меня найти в себе силы, чтобы выбраться в безопасное место. Я не умею плавать. Слава Богу, что есть камни.

Подтянувшись за них усталыми руками, я стаскиваю с себя жилет и падаю спиной в траву.

Мое платье испорчено и изорвано в клочья. Отдышавшись, я поднимаюсь на ноги, пытаюсь осмотреть рану, но не вижу ничего, кроме стекающей по ноге темной влаги. Черт, это больно. Я делаю пару шагов, и вокруг меня вспыхивает ослепительный свет.

— Это частная собственность, — кричит какой-то мужчина. — Не двигайся.

У меня бешено колотится сердце, ноги ноют от желания побежать.

Через несколько секунд появляется человек-гора, одетый в черное, его кожа темная, как ночное небо.

— Мэм, пожалуйста, пройдите со мной.

Держа над моей головой зонт, он ведет меня к огромному зданию с башенками и горгульями. Оно выглядит почти как замок из книжек с рассказами. Я осматриваюсь по сторонам, затем поднимаю взгляд на ведущего меня мужчину. Поймает ли он меня, если я побегу?

— Даже не думай об этом. Ворота закрыты. Тебе некуда идти, если только не хочешь снова намокнуть..., — говорит он глубоким, рокочущим голосом.

— Чего Вы от меня хотите? — спрашиваю я, дрожа от проникающего под кожу холода.

— Я ничего. Однако у мистера Уорда могут быть другие планы.

У мистера Уорда...

МОНА

Мужчина какое-то время хмуро оглядывает меня с ног до головы, но я не могу сдержать улыбку.

Мне страшно, но я свободна от своего отца. Если этот человек меня убьет, то, по крайней мере, это произошло из-за моих действий, и я снова буду с Кларой.

Он открывает большую деревянную дверь и жестом приглашает меня войти.

Холод пронизывает меня до костей. Повинуясь инстинкту самосохранения, я начинаю искать тепло в большой, щедро заполненной мебелью и коврами комнате, и ноги сами медленно несут меня к ревущему в камине огню. Этот дом просто огромен, ничего подобного я раньше не видела. Мы живем очень скромно, имея при себе только самое необходимое. Все остальное считается потаканием своим желаниям, и это греховно. Вероятно.

Я морщусь от боли в расцарапанном колене, ткань от порванного платья трется о поврежденную кожу.

— Есть тут кто? — зову я, медленно подбираясь все ближе и ближе к ревущему оранжевому зареву огня.

На стенах пляшут тени, и прямо за дверью комнаты, в которую меня завел человек, назвавшийся охранником, раздаются шаги.

— Вы только посмотрите, что нам прибило приливом, — проносится по комнате низкий голос.

Я обхватываю себя руками, чтобы успокоить нервы.

— Это частная собственность. Не хочешь рассказать мне, с какой целью ты тут пришвартовалась?

Обладатель голоса выходит на свет, и у меня перехватывает дыхание.

Он похож на мужчину из историй, которые мне рассказывала Клара по ночам, когда я не могла уснуть. Меня пронзает взгляд темных испытующих глаз, и по телу проносится дрожь возбуждения и страха. Незнакомец скрещивает мощные руки на широкой груди, облаченной в одежду, к которой я не привыкла: это официальная одежда, костюм.

В нем есть уверенность, управляющая пространством, в котором он доминирует благодаря своему внушительному росту. Он выше меня на добрых полтора фута. Когда он подходит ближе, во мне просыпается желание убежать и посылает к моим ногам прилив энергии.

— Ты разговариваешь?

Он прищуривает свои темные глаза и поднимает руку, чтобы ослабить на шее галстук.

Подойдя к столу, уставленному бутылками с напитками, он спрашивает:

— Выпьешь?

От сухости во рту у меня болит горло. От страстного желания утолить жажду, о которой я и не подозревала, я тут же киваю и выдавливаю из себя скромное «Да, пожалуйста».

Я замечаю изгиб его губ, пока он наливает в два бокала янтарную жидкость и протягивает один мне. Когда я забираю у мужчины напиток, его пальцы касаются моих, и по коже проносится искра. Я опускаю глаза на содержимое стакана. Тут максимум на пару

глотков. Может, он не может налить мне больше. Я улыбаюсь в знак благодарности и, подняв бокал, делаю глоток.

Жидкость резко обжигает мне язык, вызывая рвотный позыв.

— О боже, что это? — выдыхаю я, возвращая ему бокал. С его губ срывается грубый смех, от которого у меня сводит желудок.

— Ты одна из них, да? — Он делает шаг ко мне, подбираясь, как хищник к своей добыче.

Я отшатываюсь назад, ударяясь бедром о диван.

— Одна из кого? — хмурюсь я.

— Из сектантов с острова, — усмехается он и, выхватив у меня бокал, выплескивает содержимое в огонь. Оно шипит и потрескивает, пламя в отместку вырывается из камина. — Я должен был догадаться по тому, что на тебе надето.

Мужчина ухмыляется, его глаза лениво блуждают по моему телу, отчего на моих щеках появляется румянец.

— Из сектантов с острова? — спрашиваю я, одернув подол своего испорченного платья.

— Зачем ты здесь? — рявкает он, игнорируя мой вопрос.

— Я приехала сюда, потому что здесь умерла моя сестра.

Мне не нравится его тон. Он говорит так, как будто я ниже его. Может, он и живет в этой громадной башне, но я не муравей под его сапогом. Может, мне следует бояться. Он вполне мог бы быть злом, отнявшим жизнь у Клары, но что-то в нем подсказывает мне, что он не так страшен, как пытается показать. И, конечно, Клаудия никогда бы не отправила меня сюда, если бы он был опасен.

Он так пристально сверлит меня взглядом, что я переступаю с ноги на ногу.

— Ты похожа на нее.

Мужчина поворачивается лицом к огню. В комнате воцаряется тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей.

— На кого? — спрашиваю я, и у меня замирает сердце.

— На твою сестру.

Бах. Бах. Бах.

— Откуда ты ее знал?

У меня бешено колотится сердце.

— Ты явилась сюда, чтобы получить от нас деньги за ее смерть? — рычит он, наливая себе еще глоток обжигающей жидкости.

— Вы все такие? — спрашиваю я, подходя ближе к нему, чтобы показать, что не боюсь.

— Это какие, например? Придурки?

Он приподнимает бровь, и я впервые замечаю, что глаза у него темно-карие, но в одном на радужке зеленое пятно. Это завораживает.

— Жестокие, — поправляю его я.

— Жестокие? — раздражается он невеселым смехом. — Будь я жестоким, разве пригласил бы тебя войти? Предложил тебе согреться и выпить?

— Ты дал мне огненную жидкость и бросил мне слова, чтобы меня обидеть, разозлить...

Мужчина сокращает расстояние между нами, и я остаюсь на месте, хотя все мое тело хочет рвануть отсюда изо всех сил. Он пахнет цитрусовыми и свежей дождевой водой на листьях деревьев.

Большим и указательным пальцами он обхватывает мой подбородок, я задыхаюсь от его прикосновения, от грубого зажима. Запрокинув мне голову назад, другой рукой он так нежно поглаживает мою шею, что это очень контрастирует с его хваткой. Мужчина скользит пальцами вниз по моей груди, затем хватает мой кулон и, подняв цепочку, разглядывает сердце.

— Как это сектантка с острова добралась сюда с нашими украшениями на своей хорошенькой шейке? Разве ваш народ не осуждают подобные излишества?

Я вырываюсь из его хватки, сжимая в руке кулон.

— Ты знаешь, откуда оно?

Он усмехается, затем поворачивается ко мне спиной и разваливается в большом кресле, закинув ногу на ногу и вцепившись руками в ткань подлокотников.

— Конечно.

— Пожалуйста, скажи. Мне нужно знать, — умоляю я, сделав несколько шагов к нему.

Он так разглядывает мое платье, что по моей спине пробегает дрожь.

— Тебе нужна свежая одежда.

— Я потеряла то, что у меня было.

От смущения из-за моего наряда и всей этой ситуации мои щеки заливают краской.

— Здесь есть вещи, которые ты можешь надеть.

Встав с кресла, он подзывает меня движением пальца. Мой взгляд устремляется в сторону входной двери, затем возвращается к нему. Могу ли я ему доверять?

«А что тебе еще остается?»

— Ты идешь, маленькая островитянка? — окликает меня он.

— Да.

Мы поднимаемся по красивой лестнице, которая закручивается в почти что завершенную спираль и входим в просторный коридор. Я никогда в жизни не видела столько красивого декора.

Каждую стену украшают огромные окна, выходящие на океан.

От этого захватывает дух.

Роскошные красные ковры ласкают мои ноги, словно бархат.

— Сюда, — ухмыляется мужчина так, словно у него есть секреты, и он собирается меня ими дразнить.

— Сколько здесь живет людей? — спрашиваю я, загипнотизированная размерами этого дома.

Мужчина отпирает дверь и входит в комнату, придерживая ее для меня.

Это еще одна огромная комната. В центре помещения находится кровать с опорами по углам и струящимися драпировками. Здесь есть еще двери. Комната очень красивая и, по всей видимости, такого же размера, как весь мой дом.

Я неосознанно брожу по ней, свободно прикасаясь ко всему и рассматривая, пока мои глаза не натыкаются на зловещий силуэт мужчины.

— Это твоя комната? — спрашиваю я, чувствуя себя маленькой под тяжестью его взгляда.

— Нет. Твоя. Во всяком случае, на сегодняшнюю ночь.

— Я бы не посмела просить тебя о такой услуге.

— Ты и не просила, — Он направляется к другой двери, открывает ее и жестом указывает внутрь. — Гардеробная. Выбери что-нибудь на свой вкус.

Мужчина подходит к другой двери, которая ведет в ванную.

— Прими душ.

— Твоя щедрость невероятно трогает. Но я должна спросить почему.

— Что почему?

— Почему ты предлагаешь мне место для ночлега и одежду?

Может, для этих людей это нормально.

— Потому что, милая маленькая островитянка, было бы жестоко этого не сделать.

От его слов у меня внутри растекаются пузырьки счастья. Неужели этот человек и есть те самые чудовища, от которых нас так охраняет мой отец? Может, потому, что на нашем острове нет мужчин, похожих на него. Я скольжу по нему взглядом. Идеально сидящий на нем костюм облегает его во всех нужных местах. Почему все мужчины так не одеваются? Он похож на мечту. Может, я сплю... или утонула, и это рай.

— Как тебя зовут?

Мужчина какое-то время молчит, сверля меня своим пристальным, обжигающим кожу взглядом.

— Колт.

Колт. Мне нравится.

— А я Мо...

— Мона, — заканчивает он за меня.

Я открываю рот от удивления. С этими словами он выходит из комнаты, закрыв за собой дверь и оставив меня одну. Мне хочется погнаться за ним, задать еще миллион вопросов, но холодок на моей коже возвращает меня к мыслям о своем наряде. Я очень устала, у меня все болит, и мне просто необходим душ и свежая одежда.

У меня в груди бешено колотится сердце, но желание принять душ и переодеться в чистую одежду вынуждает меня подавить тревогу. Когда я захожу в ванную, у меня практически отвисает челюсть. Комната безукоризненно белая, ее блеск почти ослепляет. Все полы, стены и потолок покрыты плиткой. Это вам не маленькая, тесная кабинка, это просто огромное пространство. Из потолка торчит трубка. Всю заднюю стену занимает раковина с зеркалом от пола до потолка. В дальнем углу находится туалет. Выскользнув из своего изодранного платья и нижнего белья, я подхожу к панели на стене с кнопками и светящимися цифрами.

— Как мне управлять этой штукой? — размышляю я.

Внезапно из трубки начинает хлестать вода, а затем она льет и из отверстий в стенах, стекая на меня отовсюду, приятно массируя мою кожу. Это нечто волшебное. Из задней стенки выступает небольшая полка, на которой стоит шампунь, пахнущий весенними цветами, и средство для мытья тела, напоминающее мне о лете.

Теплая вода наполняет комнату паром, и я таю от восторга, пребывая на седьмом небе от счастья. На нашем острове нет трубок с горячей водой, только холодная. Душем пользуешься только тогда, когда наберешься храбрости это выдержать.

Тщательно вымывшись, я ищу на панели выключатель.

— Эм, как ты...?

— Душ, выключиться, — пререзается сквозь пар голос Колта.

Я пытаюсь прикрыться руками, шокированная таким вторжением.

— Я понял, что тебе понадобятся полотенца, — ухмыляется он, входя в помещение, которое теперь уже кажется не таким просторным, как раньше.

Он кладет их на раковину, затем берет то, что сверху, и протягивает мне. Я выхватываю его из рук Колта и заворачиваюсь в него всем телом.

— Я и забыл, какие вы, люди, ханжи, — хмыкает он, задержавшись взглядом на моей коже.

— Держу пари, ты никогда раньше не чувствовала мужских прикосновений к своей плоти, — нараспев говорит он, пальцем прокладывая дорожку от моего запястья к плечу. По телу пробегают мурашки.

— Непрошенных прикосновений — нет, — огрызаюсь я и, оттолкнув от себя его руку, возвращаюсь в спальню.

Я не ханжа, но прекрасно осознаю, что этот человек мне незнаком. Я чувствую на себе его пристальный взгляд, а затем вижу, как он входит следом за мной.

— Ты собираешься стоять здесь и смотреть, как я переодеваюсь, или у тебя манеры получше? — не оборачиваясь на него, спрашиваю я с уверенностью, вызванной своим неловким положением.

— Мои манеры вызывают сомнение, маленькая островитянка. Но я хорошо знаком с вашим моральным кодексом.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он выходит из комнаты, а затем раздаётся тихий звук защелкивающегося замка.

Подбежав к двери, я дергаю за ручку, но она не поддается. Я хлопаю ладонью по дереву.

— Эй, выпусти меня.

Ничего. О Боже, он меня запер. Как я могла быть такой наивной и доверчивой? Я что, сменила одну тюрьму на другую?

На меня накатывает усталость, и мой взгляд опускается на гигантскую кровать. Может, я передохну всего пять минут, а потом посмотрю, есть ли возможность сбежать отсюда через окна.

КОЛТ

Черт, вид этой девушки, такой промокшей и беспомощной, чуть не выбил воздух из моих легких, затем она заговорила, и мне открылась ее пламенная сущность, яркость и накал которой был не сравним ни с чем виденным мною ранее. Она с острова сектантов — это делает ее врагом.

Последняя девушка, приехавшая оттуда в поисках греха, разрушила все.

У меня возникает желание отправить ее обратно за океан, но что-то в ней и ее потребности узнать хоть что-то о своей сестре меня останавливают. Если она не подумала, что это место представляет для нее опасность, значит, не слышала слухов или не поверила им. На мгновение мне хочется оказаться на ее месте — не думать худшее о человеке, чья кровь течет в моих жилах.

Достав из кармана мобильный телефон, я набираю номер, которого так страшусь. После пяти гудков он, наконец, отвечает.

— Ну, неужели это сам полубог, — хмыкает он.

Он всегда ненавидел статус, присвоенный мне сначала в старших классах, а затем благодаря средствам массовой информации.

— У меня есть кое-что, что ты должен увидеть.

— Я заинтригован, брат. Что же это?

— Просто приезжай в особняк, Кэш, — рычу я.

— Ммм... Я немного занят.

Звук вибрирующих в трубке басов, вызывает у меня раздражение.

— Если нужно, притащи с собой свою очередную новую блестящую игрушку.

— Отлично. Но делиться я не собираюсь.

— В последнее время твоим игрушкам не хватает привлекательности, брат.

Я наливаю себе еще выпить. Виски стекает вниз по моему пищеводу, вызывая желанный ожог.

Проходит больше часа, прежде чем на пороге появляется мой брат Кэш, который на тридцать четыре минуты старше меня. Он с какой-то блондинистой шлюхой, увешанной бриллиантами из его коллекции.

— Обрядив мусор в блестящие драгоценности, ты не сделаешь его красивым, — ухмыляюсь я.

Вместо того чтобы защищаться, блондинка обвивается вокруг него всем телом, как змея, которой она в сущности и является, затем высовывает язык, чтобы поцеловать его в шею.

— Зачем ты позвал меня сюда? — спрашивает он, хватая блондинку за задницу. — Я ничего не ел, а ты помнишь, каким я становлюсь раздражительным, когда голоден.

Кэш ухмыляется, бросив косой взгляд на меня.

— На берег выбросило девушку.

Встав с дивана, я наливаю в бокал виски и протягиваю ему. Кэш отталкивает блондинку, и она с пронзительным криком приземляется на стул.

— Я весь внимание.

— Она утверждает, что является сестрой Клары.

Я вижу, как в его серых глазах зарождается буря. Если у меня темные глаза и волосы, то мой брат весь светлый, но его душа запятнана тьмой.

— Где она сейчас?

— Наверху. Я запер ее в комнате для гостей

— Я хочу ее видеть.

— А как же я? — блондинка встает на ноги и плавной походкой пересекает комнату в жалкой попытке казаться соблазнительной.

— Теперь ты можешь уходить, — рывкает Кэш, вскинув руку, чтобы остановить ее дальнейшее продвижение.

— Хорошо, — она резко поворачивается и направляется к выходу.

Кэш цокает:

— Ожерелье оставь.

— Но ты сказал, что с ним у меня гламурный вид, — дуется она.

— Он солгал, — я протягиваю руку, жестом приглашая ее выйти вперед.

Вздыхнув, блондинка расстегивает ожерелье и, прищурив глаза, смотрит на меня.

— Ладно, в любом случае, это, скорее всего, подделка.

— У нас нет подделок, разве что шляхи, которых так любит наряжать мой брат.

— Ебануться, — выплевывает она.

— Не в этой жизни, — содрогаюсь я.

Мой брат может совать свой член во что угодно, у чего есть пульс, но для меня бессмысленный секс именно такой и есть: бессмысленный. Он меня не привлек. Просто оставил после себя чувство пустоты. Двадцать восемь лет небытия в конце концов становятся утомительными. Я пытался уладить вопрос с бывшей, но не смог этого сделать.

— Отведи меня к ней, — требует Кэш.

Когда мы входим в комнату, я почти жду, что девушка набросится на меня, отчитав за свое заточение. Вместо этого мы обнаруживаем ее спящей на кровати. Теперь ее ноги прикрывает длинная юбка, а верхнюю часть тела — кофточка без рукавов. Густые темные локоны рассыпаны по белому полотну. Лицо украшают черные ресницы. У нее маленький носик и пухлые, сочные губы. На яблочках ее щек проступают веснушки. Она потрясающе красива. И это делает ее опасной.

— Она похожа на нее, — объявляет Кэш, напоминая мне о своем присутствии.

Воздух между нами тревожит лишь наше дыхание.

— Но она — это не Клара, — напоминаю ему я.

— Думаешь, я этого не понимаю? — выпаливает он, и в комнате темнеет от его агрессии.

Кэш тянется рукой к сердцу, пытаясь унять боль, возникающую при мыслях о Кларе.

— Она сказала, зачем явилась сюда?

— Только то, что здесь умерла ее сестра.

— А отец?

— Я ему не говорил.

— И не надо! — он быстро поворачивается, схватив меня за плечи. — Не смей ему говорить.

— Я этого и не планировал, — с упреком говорю я, убрав от себя его руки, и приглаживая лацканы своего костюма. — Мы должны дать ей поспать. Она сильно пострадала, добираясь сюда, мы можем обо всем спросить ее завтра.

Я направляюсь к двери и, оглянувшись через плечо, вижу, как Кэш, нахмурившись, приближается к кровати.

— Кэш?

— Я спущусь через минуту.

КЭШ

Черт, это не то, чего я ожидал от сегодняшнего вечера. Я ненавижу это время года — этот гребаный день. В годовщину смерти Клары мне все так же тяжело. Как будто разверзся ад и снова утащил меня туда, к крови, к боли... когда мы нашли Клару, и душа покинула ее взгляд. Увидеть Мону, вот так просто лежащую здесь, — это как жестокая шутка. Мне нужно выпить. Как возможно, что она так на нее похожа, и в то же время настолько от нее отличается, чтобы понять, что это не обман моих глаз? Меня переполняет желание лечь рядом с ней и вдохнуть ее запах, потеряться в коротких воспоминаниях о времени, которое мы провели вместе. Это не Клара, придурок.

Почему она здесь? Какая ей выгода из того, что она сюда явилась? Почему она нас не боится? У меня в голове крутятся мысли о Кларе — ее смех, ее улыбка, то, как каждое прикосновение было для нее новым ощущением. Ее невинность так и тянуло осквернить.

Девушка начинает ерзать, и я задерживаю дыхание. Когда я вижу, что она не просыпается, я подтаскиваю к кровати стул и плюхаюсь на него. Она прекрасна, совсем как Клара. Я посижу с ней еще всего лишь несколько минут, а потом уйду.

+

Я, моргая, открываю глаза, и спустя несколько секунд понимаю, что, должно быть, заснул. Я вздрагиваю, увидев, что, склонившись надо мной, на кровати стоит девушка с лампой в руках.

Какого хрена? Я не могу пошевелить руками. Она привязала меня к чертову стулу одной из драпировок от кровати.

— Кто ты? — настороженно спрашивает она, невероятно широко распахнув глаза.

— Ты меня связала?

Мне хочется смеяться. Колт за это меня прикончит.

— Кто ты такой? Ты не тот парень, что запер меня здесь.

Она уверена в этом, несмотря на то, что мы близнецы. Мои волосы и глаза более светлого оттенка.

— Я его брат. Мы близнецы, — рычу я, пытаюсь освободиться от ее пут. — Будь добра, развяжи меня пожалуйста?

По-прежнему держа перед собой лампу, словно какое-то оружие, она отступает в другой конец комнаты.

— Почему ты смотрел, как я сплю?

Черт, держу пари, ей было жутко от этого проснуться.

— Мне просто было любопытно о тебе узнать. Ты похожа на Клару.

Мои слова застают ее врасплох. Ее глаза вспыхивают, и она опускает руки.

— Откуда ты знаешь Клару?

Я вздергиваю подбородок, указав на ее цепочки.

— Я помог ей их выбрать.

С ее прелестных губ срывается вздох, и она обхватывает ладонью кулоны.

— Вы братья Уорд, — шепчет она.

— Каюсь, — ухмыляюсь я.

— Откуда вы ее знали? — Мона подходит ближе, опустив, наконец, лампу. — Вы были друзьями?

— Разве она тебе обо мне не рассказывала? — спрашиваю я, сбитый с толку тем, что Клара не упомянула обо мне в разговоре с самым важным человеком в своей жизни. Клара всегда говорила о своей сестре и о том, как хочет спасти ее от развращенной морали отца.

— Нет.

Черт, это больно.

— Мона, пожалуйста, развяжи меня, — говорю я, назвав ее по имени, чтобы успокоить.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Потому что Клара о тебе говорила. Она любила тебя больше всех на свете.

— Не говори за нее, она меня бросила меня, — запинаясь произносит она, ее захлестывают гнев и печаль.

— Она планировала за тобой вернуться, — честно говорю я.

— Ты знаешь, кто ее убил?

Ее вопрос звучит обвиняюще.

Я хмурюсь. Неужели до нее не дошли слухи?

За ее спиной открывается дверь. Она снова поднимает лампу, направляя ее на Колта.

— Я чему-то помешал? — весело спрашивает он. — Островитянка, ты пытаешься меня завести? — добавляет он и, пройдя мимо нее, оказывается передо мной. — Серьезно? Не справился с хрупкой женщиной?

— Пошел ты. Развяжи меня, — выдавливаю я. — Колт!

Я киваю в сторону выбежавшей из комнаты Моны.

— Она далеко не уйдет, — Колт дергает за удерживающую меня ткань.

Когда он, наконец, меня освобождает, я выхожу из комнаты на ее поиски. Колт оказался неправ. Мона направилась не к входной двери, которая надежно заперта. Она сбежала через окно в библиотеке.

— Хммм, этого я не ожидал, — размышляет вслух Колт, заглянув мне через плечо.

Мона бежит к воротам, и ее волосы развеваются у нее за спиной, словно плащ.

— Она босая, — выдавливаю я.

Колт достает свой телефон и звонит стоящему у парадных ворот Майлзу.

— Пожалуйста, отведи нашу маленькую беглянку обратно в дом.

Я следую за ним в столовую, где накрыт стол для короля... или королей. На столе разложено множество блюд для завтрака. Колт садится во главе стола и, развернув газету, потягивает черный кофе.

— Ты прямо как отец, — усмехаюсь я.

— А ты прямо как алкоголик в пятилетнем запое, — не глядя на меня, парирует он.

Мы были ближе, чем братья. Мы делились буквально всем... а потом в мой мир вошла Клара и все изменила.

Колт терпеть не мог людей с сектантского острова. Наш отец прививал нам эту ненависть с самого раннего возраста. С Колтом это прокатило. Меня же очаровала Клара и перевернула весь мой мир.

Она навсегда покинула остров. Она хотела изменить всю свою жизнь ради меня — ради нас. Мой отец просто сбесился. Когда он пригрозил отстранить меня от семейного бизнеса и вычеркнуть из завещания, Колт, несмотря на свое неодобрение, встал на мою сторону.

— Отпустите меня! — слышу я сердитое рычание Моны, и оно возвращает меня

реальность.

Колт поднимает взгляд от газеты, и на его губах проступает улыбка.

— Почему бы тебе не присесть и не поесть, потом я распоряджусь, чтобы тебе принесли обувь, и мы сможем обсудить вопросы, которые были у тебя вчера вечером.

— Я что, пленница? — цедит она сквозь зубы.

— Вообще-то, это не мы связали ни в чем не повинного человека, — выгнув бровь, говорит он, а я отвечаю:

— Нет.

Мона обводит взглядом выставленные на столе угощения, затем устремляет его на Колта.

— Сядь, — приказывает он, и на ее прекрасном лице отражается борьба. Мона не хочет ему уступать, но еда манит ее к себе.

— Хорошо, — она садится на стул напротив меня, и я не могу на нее не смотреть.

Густые темные локоны обрамляют ее лицо и ниспадают по груди до талии. Ее глаза цвета тлеющих углей. Это завораживает.

Клара была красивой женщиной, но Мона обладает красотой, которая бывает естественной крайне редко. Широко раскрытые миндалевидные глаза, обрамленные темными ресницами, маленький аккуратный носик и высокие скулы, усыпанные светлыми веснушками. Мой взгляд опускается на ее полные, пухлые губы, и мне приходится благодарно взять себя в руки.

— Ешь, — добавляет Колт.

Мона несколько секунд ждет, затем кладет в миску свежие фрукты и йогурт, а на тарелку — бекон, яйца и сосиски. Взяв вилку, она пробует все на вкус. От ее оживленной реакции на каждую новую вещь невозможно отвести взгляд.

— О, Боже. Что это? Это волшебно, — она поднимает баночку с «Нутеллой» и погружает в нее палец. Зачерпнув целый палец, она, постанывая, обсасывает его дочиста.

Мы с Колтом вздыхаем в ответ.

Черт, она хоть понимает, насколько сексуально это звучит, выглядит и есть на самом деле? В ней есть сексуальность, которой не было у Клары.

В общении с мужчинами Клара была нервной, невинной и осторожной. Я был первым человеком, которого она поцеловала. Не думаю, что подобное относится к Моне. Несмотря на ее юный возраст, в ней чувствуется зрелость. Я роюсь в воспоминаниях, пытаюсь вспомнить, сколько ей сейчас.

— Восемнадцать, — произношу я вслух, когда меня, наконец, осеняет.

— Что? — замирает она.

— Вчера был твой День рождения.

Мне это известно только потому, что он в тот же день, когда было найдено тело Клары.

— Откуда ты это знаешь? — затаив дыхание, говорит Мона, и в уголке ее рта остается капелька Нутеллы.

Мой взгляд падает на ее цепочки.

— Так вот как вы познакомились с Кларой? Она пришла к тебе, чтобы их купить? — спрашивает Мона, сжав в руке подвески в виде сердечек.

— Я встретил Клару не здесь, — сообщаю ей я и, взяв кусочек бекона, кусаю его.

Она распахивает глаза. Ставит банку на стол, и Колт протягивает руку, чтобы стереть каплю с уголка ее рта, от чего Мона делает резкий вдох. Колт засасывает в рот подушечку

большого пальца и нараспев произносит:

— Мммм, и впрямь волшебно.

Внутри меня неожиданно взрывается вспышка ревности и возбуждения.

— Пойдем, — перебиваю его я, и в воздухе между всеми нами сгущается напряжение. — Давай прокатимся.

— Прокатимся?

— Ах, ты никогда раньше не ездила на машине.

— Нет..., — в изумлении выдыхает она.

— Что ж, в этой поездке с тобой произойдет много нового, — подмигивает ей Колт, и я хмуро смотрю на него.

Обычно он не такой игривый.

— Что? — искренне озадаченно спрашивает он.

— Ничего, — качаю головой я.

Вообще ничего. Просто прошло слишком много времени с тех пор, как я видел в его глазах жизнь. Мне это нравится.

— Надень это — Колт бросает к ногам Моны кроссовки.

— Чьи они? — спрашиваю я, приподняв бровь.

— Аннемари заполнила всю гардеробную, пока проводила здесь время, — ворчит он.

Из всех женщин Аннемари была единственной, максимально близкой к тому, чтобы стать девушкой Колта. Он был угрюмым ублюдком, которого заботило только построение своей империи, где он мог бы восседать на троне и играть в Бога.

— Вау, какая прелесть, — восхищенно говорит Мона, обходя «Мерседес» Колта — одну из многих принадлежащих ему машин.

— Прелесть? — хмыкает Колт и, открыв для нее дверь, садится за руль, а я забираюсь на пассажирское сиденье.

Когда он заводит двигатель, Мона издает негромкий испуганный звук. Я наклоняюсь назад, чтобы пристегнуть ее ремнем безопасности, и моя рука касается ее груди. Мона ахает, и наши взгляды встречаются. Она чувствует напряжение, притяжение. Черт, я не могу думать о ней в таком смысле. Это омерзительно...неправильно.

— Спасибо, — говорит она мне, облизывая языком губы.

«Черт. Черт. Черт».

МОНА

Шум и люди — их сотни, бетонные здания и дороги... все так бросается в глаза. На улицах оживленно, кажется, что все куда-то спешат. Куда все направляются? Это ошеломляет.

— Пойдем, — говорит Колт, положив руку мне на спину, этот жест защищает меня от окружающего нас хаоса.

Мне это нравится. Я протискиваюсь между ними двумя, загораживаясь ими, как щитом. Кэш открывает стеклянную дверь и проводит меня внутрь здания, над которым красуется вывеска с их фамилией: «Ювелирные украшения братьев Уорд».

— Вау, — выдыхаю я, любуясь открывшимся передо мной зрелищем — сверкающие блески, украшения самых разных цветов, куда ни кинь взгляд.

— Давай пройдем в мой кабинет, — распоряжается Кэш, оттаскивая меня подальше от всей этой красоты.

— Кэш — коллекционер блестящих вещей, — шепчет мне на ухо Колт, как только мы оказываемся в офисе Кэша.

От этого контакта по моей нервной системе пробегает заряд энергии. Кажется, Колт понимает, что вызывает во мне какую-то реакцию. Об этом говорит его взгляд и изгиб губ, только разжигая внутри меня и без того жгучую потребность.

Это что-то новое — что-то, что я не могу контролировать. Кажется, мне это нравится.

— Что думаешь? — спрашивает Кэш и, повернувшись, вытягивая перед собой руки.

Он гордится своими сокровищами — и так и должно быть. За освещенным стеклом разложены огромные цветные камни, которые искрятся от падающего на них света.

— Я коллекционирую редкие драгоценности. Думаю, именно это и привлекло меня в твоей сестре.

Он улыбается, и это не похоже на улыбку Колта. Она нежная и дружелюбная. В нем есть теплота, которой не хватает Колту.

При упоминании о Кларе мое сердце замирает.

— Ты упомянул, что встретился с ней не здесь. Что ты хотел этим сказать?

Я провожу пальцами по стеклу, отчаянно желая взять камни и рассмотреть их повнимательнее.

— Позволь мне начать с самого начала, — говорит он, сидя за огромным письменным столом, занимающим центральное место в комнате.

Колт садится на кожаный диван у задней стены и похлопывает по месту рядом с собой.

— Я постою, — прищуриваюсь я, взглянув на него.

Он самодоволен, но чему-то глубоко внутри мне это нравится. Я чувствую к нему притяжение, с которым борюсь из принципа.

— Тогда начинай с начала, — говорю я, глядя на Кэша.

— Когда нам с Колтом было по четыре года, наша мать познакомилась с кем-то с вашего острова. Он называл себя миссионером.

Как рассказывала мама. Я ловлю себя на том, что, когда Колт подается вперед, я придвигаюсь ближе к столу.

— Он болтал всякую хрень о грешниках и тех, кто может возродиться во имя Господа, о прощении — обо всей этой сектантской чуши, в которой убеждает себя ваш народ, — усмехается Колт.

В его тоне слышится ненависть. По моей спине пробегает холодок и оседает в моем сердце.

— Мы не все мыслим одинаково, — защищаюсь я, и его пристальный взгляд прожигает меня насквозь.

— Наша мать была несчастлива с нашим отцом. Он был тем еще ходоком и работал не покладая рук, — вставляет Кэш, отвлекая мое внимание от Колта.

— Что вы подразумеваете под словом “ходок”?

— Он трахал женщин, которые не являлись нашей матерью, — ворчит Колт, сосредоточившись на чистке своей штанины.

— Трахал? — я ощущаю вкус этого слова на своем языке.

И Кэш, и Кольт ерзают на своих местах и впиваются в меня своими горящими глазами.

— Это означает половой акт, — уточняет Кэш.

— Оу. — Я чувствую, как мое лицо заливают румянец.

— А он не мог просто взять себе других жен? — спрашиваю я, хотя мне бы не понравилось, будь у моего мужа больше одной жены.

— Мы здесь этим дерьмом не занимаемся, — огрызается на меня Колт.

— Прости, — хмурюсь я. — Просто, если я выросла с осознанием этого, не значит, что я согласна с обычаями, которых придерживается мой отец.

— Твой отец — мерзость. Он не более чем лидер культа, у которого есть стадо овец, слушающих его бредни

— Хватит, Колт, — рывкает Кэш, хлопнув ладонью по столу.

— Мы не против менажей, Мона. Но это нечто сокровенное, согласованное всеми сторонами, а не навязываемое женщинам, которые не имеют права голоса в этом вопросе.

— Менажей?

Колт встает, изливая на меня свою сущность и окутывая меня своей аурой.

— Это когда мы вдвоем обладаем твоим телом, чтобы доставить тебе невообразимое удовольствие.

Я сглатываю наполнившую мой рот слюну. У меня перехватывает дыхание, и между бедер возникает боль. Он нависает надо мной, его губы совсем близко.

— Как и сказал Кэш, — он отстраняется, и я постепенно прихожу в себя. — Все стороны должны этого хотеть.

Это что в его голосе? Юмор? Черт возьми, он... как там он тогда сказал? Придурок.

— Как бы там ни было, вернемся к нашей истории, — откашливается Кэш. — Тогда твой отец еще не был главным. Как только это произошло, он запретил людям покидать остров в качестве миссионеров. Он больше не хотел, чтобы туда приезжали посторонние — там должны были быть только чистокровные дети, которых с рождения растили на острове, чтобы никакие внешние влияния, рассказы и правда не портили его идеальную жизнь, — заканчивает Кэш, и за ним подхватывает Колт.

— Суть в том, что наша мать бросила нашего отца и уехала жить на остров с мужчиной по имени Чарльз Мэйн, промывшим ей мозги.

— Что?

— В то время она была беременна и уехала с его ребенком. Вся эта дрянь, которую они

несут, их гребаная праведная чушь о Боге, и от него залетает замужняя женщина, а затем он увозит ее от других детей, чтобы сделать ее своей гребаной женой на острове, полном сектантов, — говорит Колт, меряя шагами пол.

— Джудит? — задыхаясь, произношу я и непроизвольно обхватываю себя рукой. — Джудит — мать Илая. Джудит — ваша мать?

Такое чувство, будто чья-то рука сжимает мне горло.

— Ты его знаешь? — спрашивает Кэш, и на его лбу появляется морщинка.

— Конечно, она знает. Это ведь крошечный, сука, остров! — рывкает Колт.

— Илай он...

У меня становится сухо во рту, в голове стучит. Здесь так жарко.

— Он что? — спрашивает Колт.

— Он мой...

— Твой что? — цедят они оба.

— Мне нужна вода. Мне очень жарко и...

— Черт, она сейчас грохнется в обморок, — говорит один из них.

Меня обхватывают чьи-то руки, цитрусовые и дождевая вода. Колт. Меня подводят к дивану, Кэш наклоняется, снимает крышку с бутылки с водой и подносит ее к моим губам. Я отпиваю глоток восхитительного нектара.

— У вас здесь что, нет кондиционера? Это абсурд, — возмущается Колт.

— Это, блядь, хранилище. Все, что здесь есть, бесценно. Я не могу установить тут легкодоступные вентиляционные отверстия.

— Да ладно тебе. Давай подышим свежим воздухом, — Колт проводит рукой по моей спине, наклоняя меня вперед.

— Я в порядке, я просто...

Чернота.

Я прихожу в себя в машине, меня обдувает свежий воздух из вентиляционного отверстия, расположенного в салоне автомобиля. Вот это да.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает сидящий рядом со мной Кэш.

Колт впереди ведет машину.

— Что произошло?

— Ты перегрелась... или не справились с чувствами. Возможно, сочетание того и другого, — успокаивает меня Кэш.

— Извините, — говорю я, мотая головой, чтобы разогнать туман.

— Тебе не нужно извиняться. Твоя сестра тоже часто так делала, — улыбается он и, протянув руку, трогает мою голову. — Уже попрохладнее.

— Она часто теряла сознание?

— Нет, — усмехается Кэш. — Много извинялась.

— Ты любил ее?

У меня в груди зарождается боль, которая всегда сопровождает мысли о Кларе. Я

чувствую, что Колт смотрит на нас через зеркало, расположенное над передним стеклом машины.

— Я был ею ослеплен — это более подходящее слово, но это переросло бы в любовь, если бы нам дали шанс.

Слезы обжигают мне глаза, стекая по щекам. Мне хотелось, чтобы ее любили, обожали, чтобы она чувствовала все эти бабочки и мурашки, которые, по ее словам, ты ощущаешь, когда тебя целует тот самый мужчина.

— Мы на месте, — хмыкает Колт.

— Где это «на месте»? — говорю я, глядя в тонированные окна.

— У моего дома. Мне нравится жить немного... скромнее, чем моему брату.

Первым выходит Колт и открывает мою дверь. Я беру его протянутую руку, от прилива энергии по моему телу проносится волна возбуждения, и я задерживаю дыхание.

— Ты в порядке? — спрашивает он, приподняв бровь.

Почему это так привлекательно?

— Я в порядке.

По моей шее и щекам растекается тепло.

Я обращаю свое внимание на здание квадратной формы. Почти все его стены состоят из огромных окон, в которых отражаются наши силуэты. Это прекрасно. У нас на острове все дома сделаны из дерева, которое разбухает и изнашивается от воздействия океанской соли, а маленькие, покосившиеся окна тугие и пропускают минимум света.

— Пошли, — командует Кэш и подводит нас к огромной стеклянной двери, открывающейся в просторный коридор.

Белоснежные стены украшены множеством картин. Нам не разрешалось иметь у себя картины и произведения искусства, только если мы создавали их сами.

Кэш жестом показывает мне следовать за ними. Наши шаги эхом разносятся по дому. Выложенный плиткой пол и простые белые стены придают помещению ощущение стерильности. Это почти как оказаться в гигантской версии ванной комнаты Колта. Мы входим в жилое пространство. Повсюду глянцевые полы, в которых я вижу свое отражение. Все белое — диван, полы, стены, декор. Этот дом не такой уютный, как замок Колта, но, я полагаю, на него приятно смотреть.

— Чувствуйте себя как дома, — Кэш жестом указывает на жилое пространство — массивный диван, расположенный в центре почти идеального квадрата.

— Почему мы приехали сюда, а не вернулись к тебе домой? — спрашиваю я Колта, который улыбается мне, и от этого у меня сжимается сердце.

— Потому что наш отец обычно заезжает к Колту, когда ему заблагорассудится, — отвечает за него Кэш.

— Когда-то это был его дом, — пожимает плечами Колт, затем снимает пиджак и закатывает рукава рубашки.

От этого зрелища у меня пульсирует между ног. Обе его руки покрывают татуировки. Колт теребит запонки своими длинными массивными пальцами, у него на предплечьях вздуваются вены.

Мне снова жарко.

Я перегрелась.

— Мона, ты хорошо себя чувствуешь? Ты как будто не в себе, — с неподдельным беспокойством в голосе спрашивает Колт.

О Боже.

— Думаю, я проголодалась, — вру я.

Я постоянно вру. Если все, что проповедует отец, правда, то у меня билет в один конец в преисподнюю.

— Проголодалась? — удивленно хмыкает Колт. — Это никак не может быть из-за еды. За завтраком ты съела столько, что хватило бы на неделю.

— Ты что, сейчас пристыдил меня едой? — спрашиваю я, протискиваясь мимо него к вазе с фруктами. Бананы — идеально.

— Едой?

— Да, пристыдил меня тем, что я люблю поесть? Я понимаю, что у девушек не должно быть такого изрядного аппетита, как у мужчин, но мне нравится чувствовать разные вкусы на языке, ароматы, разливающиеся во рту и согревающие мои внутренности.

Колт смотрит на меня так, словно теперь он тоже проголодался.

— Разумеется, наслаждайся своим бананом, если хочешь, чтобы у нас обоих были синие шары, — фыркает он, откидываясь всем телом на спинку дивана.

— Что такое синие шары? — спрашиваю я, сбита с толку его словами.

— А, ты имеешь в виду чернику? — спрашиваю я, довольная тем, что разобралась во всем сама.

— Эта женщина меня прикончит, — стонет он.

— Я не хочу тебе зла, Колт. Давай надеяться, что мы оба выживем, и никто из нас никого не прикончит, — говорю ему я.

Он смотрит на меня так, словно это я говорю слова, значения которых он не понимает.

Этот мир совсем не такой, как утверждал отец. Он полон комфорта, роскоши и мужчин, которые выглядят как Колт Уорд. Неудивительно, что Клара не захотела возвращаться.

КОЛТ

Она серьезно относится к описанию еды, краснеет, мать ее, а теперь ест фрукт в форме члена? Ни Кэш, ни я не можем отвести глаз от этой чертовой девчонки. Лучше бы она была больше похожа на тех уродов с острова. Это существенно бы все облегчило, облегчило бы ненависть к ней. А так, ты не испытываешь к ней ненависти.

Как, черт возьми, ее можно ненавидеть? Вот она очаровательна, а в следующую секунду уже вздорная и дерзкая. Мне всегда нравилось играть с огнем, и я вижу, что у нее горячая кровь. Когда она сказала: «Я не хочу тебе зла, Колт. Давай надеяться, что мы оба выживем, и никто из нас никого не прикончит», я почувствовал себя так, словно она бросила спичку в мой бензобак.

— Скажи, кто для тебя этот Илай? — спрашивает Кэш, и этот гребаный жгучий вопрос крутится у меня в голове.

Мне должно быть все равно. Я, блядь, едва знаю эту девушку. Но когда она застыла и потеряла сознание из-за того, что он что-то для нее значил, я тоже чуть не лишился рассудка.

От этого вопроса она ерзает, и ее шею заливают румянец.

— Илай — мой лучший друг, и для Клары он тоже был другом.

Она еще сдирает кожуру с обратной стороны банана и, откусив его, жует и проглатывает. Я смотрю, как при этом двигается ее шея.

— Лучший друг, — повторяет Кэш, сделав глоток из бутылки с водой.

Что ж, это не так уж плохо. По тому, как она напряглась, я думал, она скажет «ее муж». Меня захлестывает волна облегчения, причины которой я не собираюсь анализировать.

— Она никогда о нем не говорила, — хмурится Кэш.

— И все? — спрашиваю я, подходя к ней и напирая на нее. — Он твой лучший друг, это мило.

Я беру у нее банан и выбрасываю его в мусорное ведро. Брюки болезненно обтягивают мои яйца.

Глубоко вздохнув, она качает головой.

— Нет, мы больше, чем друзья.

«Блядь».

— Что значит «больше»? — спрашивает Кэш.

— Он просил моей руки.

Она говорит, как леди из восемнадцатого века.

Это не должно вызывать у меня желания пробить кулаком стену. Это нелепо, но все же это так.

— Так вот почему ты сбежала? — язвительным тоном спрашиваю я.

— Отчасти, — Мона опускает глаза к коленям. — У Илая были планы на нас с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, и он впервые меня поцеловал.

Я знал, что ей не чужда близость. Она не уклонялась от контакта, как, помню, делала Клара с моим братом.

— Я думал, вам не разрешается вступать в интимные отношения друг с другом до

свадьбы? Клара говорила, что это относится и к поцелуям, — хмурится Кэш.

— Илай был не против нарушить это правило, а я..., — вздыхает Мона — Я не такая, как мой отец. Я не верю так, как он. Я считаю, что нужно жить полной жизнью. Наслаждаться ощущениями. Я хочу страсти, приключений. Хочу жить.

Я знал, что в ней есть что-то особенное. Чувствовал ее потребность в поиске и удовлетворении своих желаний. Вокруг нее какая-то аура.

— Но с Илаем тебе этого не хотелось? — спрашиваю я.

— С Илаем я этого не чувствовала. Должно быть что-то еще. Я не могу поверить, что то что я чувствовала, будучи с ним, — это желание, страсть — это любовь.

Мона почти плачет от потребности, чтобы ей сказали, что она права.

— Он не удовлетворил твои потребности, — рычу я, и у меня в слаксах дёргается член.

— Не думаю.

Она выглядит смущенной, озадаченной.

— Ты с ним кончала? — спрашиваю я.

— Колт, — предупреждая произносит Кэш и, встав, тащит меня на кухню.

Я неохотно позволяю ему это сделать.

— Что это, блядь, за вопрос? — стонет он, проводя рукой по волосам.

— Честный, — дергаю плечом я.

— Это неуместно.

— С каких это пор тебя стало волновать, что уместно, а что нет?

Я почти смеюсь. Когда это он получил титул рыцаря святости?

— Просто будь с ней помягче, ладно?

Я скидываю руки в знак капитуляции и ухмыляюсь, видя, как Кэш расстегивает воротник своей рубашки.

Ее разговоры о сексуальном удовлетворении его тоже понимают. Мы возвращаемся в гостиную.

— Итак, то, что Илай был полным лузером в сексе, стало только частью причины, по которой ты сбежала, какова же другая? — спрашиваю я, игнорируя убийственный взгляд моего брата.

— Мне не с чем сравнивать Илая, так что несправедливо называть его плохим, но да, была и другая причина.

— И что же это? — спрашивает Кэш, прежде чем я вставляю что-нибудь «неуместное».

Мона снимает со своей шеи цепочки и кладет их на ладонь Кэша.

— Это было на Кларе в ту ночь, когда она ушла и не вернулась.

— Но на ее теле ничего такого не было, — хмурится Кэш, разглядывая цепочку.

Мона вскакивает на ноги, отшатываясь от него.

— Откуда ты это знаешь? — выдыхает она, и на ее лице отражается страх.

Я не хочу, чтобы она нас боялась.

— Он обнаружил ее тело, — говорю за него я, протискиваясь вперед.

Кэш сжимает цепочку, и обхватывает ладонями лицо.

— Это была самая страшная ночь в моей жизни. Идо сих пор остаётся такой, — выдыхает он.

— Если цепочка была на Кларе, когда она покинула остров, но на теле твоей сестры ее не было, то как она попала к вам? — спрашиваю я, наблюдая за ней, чтобы понять, не расколется ли она.

— Вчера я обнаружила ее у себя на пороге, завернутую, как подарок на День рождения. Кэш резко встает, от чего Мона вздрагивает.

— Что, черт возьми, это значит?

— Это значит, что убийца снял цепочку с тела Клары и теперь издевается над ее сестрой.

Кэш буравит меня взглядом.

— Это не имеет смысла.

— Что не имеет смысла? — спрашивает Мона, все еще настороженно глядя на нас.

— Садись, Мона. Давай закончим историю о том, как Кэш познакомился с твоей сестрой. Тебе нечего нас бояться. Мы никогда не причиним тебе вреда, — уверяю ее я, желая, чтобы это было правдой.

Мона держится на расстоянии, но садится.

— Наша мать заболела, — безо всяких эмоций говорю я.

Нас убило, когда она, черт возьми, нас бросила, когда отец сказал нам, что мы ей безразличны и что она нас не любит. Нам было по пять лет. Мое горе переросло в гнев и негодование, но Кэш очень тяжело переживал ее потерю.

— Она приехала с нами повидаться. Вот так мы узнали об этом парне, Илае, — добавляет Кэш.

— Когда дело дошло до этого, твой отец сказал, что Иисус исцелит ее, но она знала, что это гребаное безумие. Ей нужны были врачи, лечение в больнице.

— Так вот почему она уехала? — спрашивает Мона.

— Она вернулась после того, как отец оплатил лечение.

— Но она не вернулась, — качает головой Мона.

— Вернулась, — хором говорим мы.

— Я лично ее туда отвез, — заявляет Кэш.

— Значит, она уехала во второй раз?

— О чем ты говоришь? — растерянно спрашивает Кэш.

— Джудит? Мать Илая покинула остров задолго до Клары, и ей было запрещено возвращаться. Она так и не вернулась.

Какого хрена?

КЭШ

Я смотрю на своего брата, у которого такой же растерянный вид, как и у меня.

— Ты хочешь сказать, что не видела Джудит на острове с тех пор, как она уехала, и это было раньше отъезда Клары?

— Верно. Илай всегда чувствовал, что должен загладить свою вину перед моим отцом. Он стыдился своей матери, не хотел о ней говорить.

— В этом нет никакой логики. Я лично отвез ее обратно. Так я познакомился с Кларой. Она была внизу, у воды. Я знал, что не смогу причалить, поэтому моя мать показала мне место, где ее можно высадить. Там была твоя сестра, у воды.

— Она никогда не говорила мне ничего из этого, — выдыхает Мона, сжимая в руках цепочку, которую я ей вернул.

— Что она тебе сказала? — спрашивает Колт, присаживаясь на подлокотник дивана.

— Что где-то там есть целый мир, что, когда тебя целует парень, которого любишь, в животе порхают бабочки, а по спине проносятся мурашки, — мечтательно говорит она, погружаясь в воспоминания. — Она рассказывала мне одни сказки.

— Это не просто сказки, островитянка, — Колт протягивает руку и перебрасывает ее волосы через плечо. Клара устремляет взгляд на него, ее шею заливают румянец.

— Если бы ваша мать вернулась, но была поймана, ее бы заперли в подземелье. — Мона поворачивается, чтобы посмотреть на меня, у нее на лбу проступают морщинки.

— Она решила вернуться. То, в чем она оказалась, — это только ее вина, — цедит сквозь зубы Колт, сложив руки на груди.

— Колт, — с упреком говорю я. — Она все еще наша мать.

— Нет, к черту все это, она свой выбор сделала, и это оказались не мы. Вот пусть ее драгоценный Илай ее и спасает.

— Илай думает, что она так и не вернулась домой.

Мона обхватывает себя руками, информации становится слишком много.

— Это не наша проблема, — снова говорит Колт, и я вспоминаю ту ночь, когда мать попросила меня отвезти ее домой. Я умолял ее остаться, выбрать нас, но она не захотела.

— Ты прав. Пусть живет по правилам того места, которое она для себя выбрала, — говорю я.

— Мы все еще не установили, кто убил мою сестру, — бормочет Мона.

В моей голове мелькает образ отца, СМИ и гребаный бардак, который после всего этого начался.

— На самом деле, за ее убийство уже кое-кого арестовали, Мона, — говорю ей я, поймав прищуренный взгляд Колта.

Мне ненавистен тот факт, что я должен сообщать ей эти подробности, но она должна знать.

— Кто это был? — произносит Мона и встает.

Колт со стоном проводит руками по волосам.

— Наш отец.

— Что? — она переводит взгляд с меня на него.

— Он это отрицал, — добавляю я.

— Но ты сказал, что он ненавидит наш народ... и ненавидел ее, — кивает Мона, я чувствую, как у нее в голове крутятся шестеренки.

— Это не значит, что он способен так жестоко кого-то убить, — возражаю я. Черт, я хочу в это верить, но, с другой стороны, понимаю, что он безжалостный монстр.

— Отведи меня к нему в тюрьму, — требует она.

Колт пронзает меня взглядом.

— Он не в тюрьме. Он не попал в тюрьму. Он богат, могущественен. Адвокаты его освободили.

Я вижу, что Мона не понимает.

К ней подходит Колт, берет в руки ее ладони и опускается так, чтобы оказаться на линии ее глаз.

— Полиции не хватило доказательств, чтобы приговорить его к тюремному заключению. В этом мире он свободен и живет своей жизнью.

— Значит, он мог привезти подарок, цепочку? — спрашивает она.

Он же не знал, когда у Моны День рождения, так ведь?

— Это не имеет смысла. На самом деле у него нет мотива. Если только..., — вслух размышляю я.

— Если только что? — спрашивает она.

— Если только он все еще не обижен на нашу мать и не мстит твоему отцу.

Зачем ждать пять лет?

— Есть только один способ это выяснить, — объявляет Колт.

— И что это? — спрашиваю я.

— Мы поедem к нему и возьмем с собой Мону

— Нет, — вскакиваю я. — Отец не должен узнать, что она здесь. Если он и впрямь это сделал, у него будет возможность ей навредить.

— Пока мы с ней, он не сможет причинить ей вреда, и мы отведем ее в его клуб, где полно народа. Он не рискнет ничего предпринять.

— И... что? Просто бросишь ему этот вопрос? — с издевкой спрашиваю я.

— А почему, черт возьми, нет? Давай просто поставим ее перед ним. Если он ее узнает, мы это поймем — увидим это в его гребаных глазах.

— А если нет? — спрашиваю я. — Что тогда?

— Тогда мы будем знать, что ожерелье прислал не он.

— Это звучит чертовски рискованно.

— Не будь слабаком, Кэш. У него больше нет власти над нами. Нам принадлежит все, кроме этого клуба. И если я увижу, что он ее узнал, то отберу его и не только.

— Что еще ты можешь у него отобрать? — спрашиваю я.

— Его гребаный пульс.

МОНА

Здесь все совсем по-другому. Звук, свет, прикосновение — все это ощущается намного острее. Как будто все это время я жила во сне и только сейчас просыпаюсь. Когда мы входим в здание, которое Кэш называет клубом, вокруг нас вибрирует грохочущая музыка. Повсюду люди,двигающиеся друг против друга под мелодию, которую я никогда раньше не слышал.

Встроенные в пол и стены светильники являются единственным источником освещения, придавая пространству оттенок полумрака. В воздухе чувствуется пряный аромат, напоминающий мне об обжигающем напитке, который дал мне Колт.

Тепло сгущает воздух, люди трутся и двигаются в такт музыке. Наблюдая за ними, я чувствую, как в груди тяжело колотится сердце. Они выглядят такими... такими свободными, невесомыми, как будто танцуют в воде.

— Выпьешь что-нибудь?

— Что-то типа того, огненного? — настороженно спрашиваю я.

Улыбка Колта лишает меня дара речи.

— Я принесу тебе что-нибудь сладкое. Оставайся рядом с Кэшем.

Кэш берет меня за руку, и я невольно опускаю глаза на наши ладони. Вспыхивает искра, как тогда, когда ко мне прикоснулся Колт.

— Ты в порядке? — спрашивает Кэш, и я просто киваю.

Я чувствую себя хорошо. Я приехала сюда в погоне за призраком во тьме, а нашла свет и красоту. Колт и Кэш не страшные и не злые. Они пробуждают во мне тепло, и я хочу идти за этим чувством.

— Хочешь потанцевать?

— Я никогда раньше не слышала подобной музыки, — качаю головой я, и он усмехается, увлекая меня за собой, в гущу людей,двигающихся в такт ритму.

— Просто почувствуй ее, — шепотом кричит мне Кэш, притягивая меня к себе.

У него под рубашкой твердый рельеф мышц. От нашей близости у меня внутри порхают бабочки. Он поднимает мои руки и закидывает их себе за шею, прижимая меня ближе. Наши тела сплетены друг с другом. Это почти непристойно.

За это меня отправили бы обратно на остров на очищение... но почему? Почему мне так хорошо, так весело, если это неправильно?

Мои вены наполняет энергия, кожа нагревается. Я двигаюсь, плавно покачивая бедрами.

— Вот так? — спрашиваю я, и меня переполняет ликование. Это приятно — по-настоящему, по-настоящему приятно!

Я вижу, как девушки встряхивают своими волосами, и делаю также, растворяясь в ритме музыки. Кто-то прижимается ко мне сзади, загнав меня в ловушку своим массивным телом. Я прижимаюсь к Колту, меня окружает его запах. Я танцую с ними обоими, впервые в своей жизни беззаботно. Неудивительно, что Клара не хотела за мной возвращаться. Если это та жизнь, которой она жила, я тоже никогда не хочу возвращаться.

Песня немного меняется, и я танцую между братьями уже под другую. Я чувствую на нас взгляды, наблюдающие, изучающие.

— Им просто интересно, кто ты такая. Нас хорошо знают, маленькая островитянка, и

прошло довольно много времени с тех пор, как нас видели вместе, — шепчет мне на ухо Колт глядя на наблюдающих за нами людей.

— Почему? — затаив дыхание, спрашиваю я, моя кожа блестит от пота.

— Потому что Кэш влюбился, а я нет, — шепчет он мне на ухо, его сообщение загадочно. Он имеет в виду Клару?

— Давай возьмем наши напитки.

Он сжимает мою руку, а Кэш берет за другую.

Колт подводит нас к занавеске, которую отодвигает огромный мужчина, похожий на того, который привел меня к Колту, обнаружив в их владениях.

Там стулья и стол. Стол уставлен стаканами, все они наполнены разноцветными жидкостями.

Колт шепчет что-то на ухо здоровяку, затем садится, усадив меня между ним и Кэшем. Затем он протягивает руку и берет какой-то розовый напиток.

— Попробуй это.

— В нем фрукты. — выдыхаю я, предвкушая, как буду есть плавающую в стакане клубнику.

— Да, есть, — усмехается он.

Я делаю пробный глоток, опасаясь, как бы напиток не обжег мне горло. Я чувствую на языке пузырьки, и мои вкусовые рецепторы ласкает взрыв аромата.

— Это изумительно! — восклицаю я.

— Да, это точно. — Колт пристально смотрит на меня, его взгляд опускается к моим губам.

Внизу моего живота разрастается жар и скапливается между ног. От одного взгляда Колта я чувствую себя взволнованной и сбитой с толку. Это опасно, и я наслаждаюсь каждой секундой его внимания.

Тут он резко напрягается и устремляет глаза на кого-то за моим плечом.

Проследив за его взглядом, я вижу пожилого мужчину, который нарушил наше уединение в маленьком уголке этого клуба. Его руку сжимает красивая женщина с распущенными светлыми волосами, которая с приторно-сладкой улыбкой смотрит прямо на Колта.

— Аннемари? — растерянно переспрашивает он.

— О, прости, сынок, разве ты не знал, что я встречаюсь с Энни?

«Сынок?»

Это, должно быть, их отец. Теперь я это вижу. У них похожие черты лица, волевые подбородки и пронизательный взгляд.

— Ты поистине жалок, — выдавливает из себя Кэш.

— Ну-ну, не нужно проявлять враждебность. Это не я пришел в твой клуб.

— Аннемари? — усмехается Колт, качая головой.

— Ты давно с ней расстался, Колт, и, похоже, нашел кого-то другого, кто займет твою постель.

Отец Колта переводит пристальный взгляд на меня.

— Привет, — нараспев произносит он.

Мною овладевает гнев, и напрягаются мышцы.

— Она разговаривает? — усмехается он, переводя взгляд с братьев на ту, которую они называют Аннемари.

— Только не с такими придурками, как ты, — выплевывает Кэш.

Вскинув вверх руки, их отец отступает назад.

— Ай. Итак, она здесь, с вами обоими. С каких это пор вы снова практикуете тройнички?

— Ты ее узнаешь? — спрашивает Колт.

— А должен?

Теперь ему уже любопытно, он рассматривает меня более внимательно.

— Она действительно кажется мне знакомой. Мы трахались? — мурлычет он.

Не успеваю я моргнуть, как Колт оказывается на ногах и бьет отца кулаком в лицо, отчего тот падает навзничь, увлекая за собой Аннемари. Под ее крик они падают сквозь занавес в толпу людей, которые спешат разойтись. Кэш обхватывает меня рукой за талию и ведет мимо них.

— Вы маленькое гребаное дерьмо, — рычит их отец.

Колт осматривает костяшки пальцев, затем натягивает пиджак и выпрямляется.

— Всё давно к этому шло. Печально, что тебе пришлось влюбиться в этот кусок дерьма, Аннемари — во многих отношениях, не в одном.

Мы выходим в ночь, на небе полная и круглая луна. По моему телу течет энергия.

— Это было... весело, — ухмыляюсь я, у меня в крови бурлит недавно выпитый напиток.

— Он ее не узнал, — объявляет Кэш.

— Знаю, — кивает Колт.

— Значит, это был не он

— Это не значит, что убийца Клары тот же самый человек, что вернул Моне цепочку. Может, кто-нибудь ее нашел.

Я об этом не подумала.

По мне пробегает дрожь. Я чувствую, что из тени на меня смотрят чьи-то глаза.

— Мы можем отсюда уйти? — спрашиваю я.

— Конечно. Давай вернемся ко мне, выспимся и решим, каким будет наш план, — решает Колт.

— Я хочу поплавать в океане, — объявляю я.

— Уже темно, — усмехается Кэш.

— Мне все равно. На острове нам это строго настрого запрещалось. Я хочу делать все, потакать всем своим порывам, воплощать в жизнь все мечты и желания, — восклицаю я.

Кэш смотрит на Колта, который пожимает плечами и изгибает губы в своей сексуальной улыбке.

КОЛТ

— Это разумно? — ноет Кэш, почесывая затылок.

— Девочка жила в окружении океана, и ей было запрещено в нем купаться, — напоминаю ему я.

Она могла бы сказать, что хочет проплыть вокруг света, и я бы исполнил ее желание, чтобы увидеть, как это произойдет.

— Я пойду принесу что-нибудь выпить, — стонет Кэш, и я улыбаюсь.

Я не могу придумать ничего лучше, чем алкоголь и ночное купание. Действительно, мудро.

Я смотрю, как прекрасная островитянка начинает раздеваться. Уверен, что среди одежды с ночевок Аннемари найдется купальник. Мой отец думал, что, объявившись с ней под руку, выведет меня из себя. Без сомнения, он ждал момента, когда сможет выставить ее напоказ, чтобы меня разозлить, но правда в том, что она лишь скрашивала мои одинокие ночи. Как только я понял, что она хочет большего, я прекратил нашу интрижку.

— Что за хрень? — Кэш чуть не роняет бутылку Джека и фруктового сидра, который он принес для Моны. — На ней только трусики.

Я хлопаю его рукой по груди.

— Да, брат, да, это так.

Полные сиськи Моны, упругие и дерзкие, едва видны в лунном свете. Так, что я хочу попробовать их на вкус, взять в рот эти твердые соски и услышать ее стон.

— Вы идете? — зовет она, спускаясь к полоске песка, волны бьются о береговую линию.

— Колт, давай! — снова зовет Мона, и я снимаю пиджак и ослабляю галстук.

Ночное купание в холодном океане никогда не входило в мой список желаний, но ради нее я это сделаю. Следом за пиджаком идет моя рубашка, затем брюки, пока я не остаюсь в своих обтягивающих боксерах, и глаза Моны не застывают на моем хозяйстве.

— Не все сразу, островитянка, — подтруниваю над ней я, и, хотя мне этого и не видно, я знаю, что она краснеет.

Мона поворачивается и бежит к воде. Войдя в нее по щиколотку, она вскрикивает от резкого перепада температуры.

— Здесь холодно, — кричит она.

Я брызгаю на нее водой, от чего она визжит и подскакивает, и у нее подпрыгивают сиськи. Черт, у меня твердеет член, и она все это видит. Пофиг. Я делаю несколько шагов, затем ныряю под воду и, когда вода доходит мне до груди, выныриваю.

— Ты идешь? — задаю я ей встречный вопрос.

Мона прикусывает губу.

— На самом деле, я не умею плавать.

Будь проклят этот ублюдок, разрушивший ее детство. Я должен доплыть до этого острова и утопить этого козла. Какой отец окружает всю свою жизнь водой и заставляет своего ребенка ее бояться?

— Тогда мы тебя научим, — говорит Кэш и, подойдя к Моне сзади, протягивает ей руку.

Она с улыбкой берет ее и кивает. Она нам доверяет.

Когда они заходят глубже, я подплываю к ним поближе.

— Положи руки ему на плечи и позволь своему телу держаться на воде. Он поплывет.

Кэш отталкивается брассом, и Мона следует за ним, наполняя воздух легким смехом.

Кэш делает вокруг меня круг вместе с ней.

— Подними ноги, — говорю я, и она слушается. — Молодец.

— Я чувствую себя невесомой, — сияет Мона. — Это так успокаивает.

— Мы можем дать тебе парочку настоящих уроков по плаванию, и тогда ты сможешь плавать, когда захочешь.

— Правда?

— Правда.

— Посмотри на Кэша, как он двигает руками. А теперь отпусти его и плыви ко мне.

— Я не могу! — визжит она.

— Доверяй себе, — говорю ей я.

Мона отпускает Кэша, дрыгает ногами и напрягает руки.

— У меня получается! — стуча зубами, кричит она.

А затем бормочет:

— Я замерзаю.

И у меня из груди вырывается громкий, резкий смех. Здесь так чертовски холодно, что у меня яйца вжались в живот. Кэш хватает ее за талию и подплывает ко мне.

— Пойдем погреемся.

Я забираю ее у Кэша, и она обвивается вокруг меня, прижимаясь ко мне своими голыми сиськами. Я уже не чувствую такого холода, он тает не только снаружи, но и внутри меня.

Мона прижимается ко мне всю обратную дорогу до дома.

Я неохотно усаживаю ее перед камином, наши лица так чертовски близко, выражение ее глаз говорит мне, что она хочет быть любимой, почувствовать настоящее прикосновение мужчины.

И будь я проклят, если не хочу быть тем, кто ей это даст.

— Я принесу полотенца, — говорю я, убирая ее руки со своей шеи.

Когда через несколько минут я возвращаюсь, Мона уже сидит в снятом со спинки дивана пледе, и держит в ладонях фруктовый сидр. Мне навстречу идет Кэш и берет себе полотенце. Я запахиваю свое вокруг бедер и протягиваю еще одно Моне. Она оборачивает им голову, поставив свой напиток на стол.

— Спасибо. Не только за полотенце, но и за то, что за одну ночь вы показали мне больше, чем я испытала за всю свою жизнь.

— Мне еще столько всего нужно тебе показать, — говорит ей Кэш, наливая нам обоим выпить.

— А можно включить какую-нибудь музыку, вроде той, что играла в клубе? — спрашивает Мона, и ее лицо оживляется.

Я пожимаю плечом, глядя на Кэша.

— Конечно.

Кэш открывает список воспроизведения и синхронизирует его со встроенной системой. Из динамиков по всей комнате начинает звучать музыка. Мона кутается в плед, словно в тогу, залпом выпивает свой напиток и начинает танцевать. У нее нарушена координация движений, руки, ноги и волосы мечутся сами по себе, но это чертовски очаровательно.

— Потанцуй со мной, — говорит она, потянув меня за руку.

Она обворожительна, беззаботна, не закичивается на том, чтобы держать себя в руках, и чтобы ни одна прядь волос не выбилась из ее идеальной прически. Все, о чем она думает, тут же слетает с ее губ, и это как глоток свежего воздуха.

— Я не хочу отсюда уезжать, — вздыхает Мона, покачивая бедрами. Я разворачиваю ее, зажимая под мышкой, и девушка смеется.

— Это хорошо, потому что я тебя не отпускаю, — бормочу я.

Кэш сидит и смотрит на нас, на его обычно угрюмом лице играет улыбка.

После еще пары песен я замечаю, что на мою милую островитянку подействовал алкоголь. Остекленевшими глазами она смотрит на мои губы и покусывает свои.

— Думаю, наверное, нам стоит уложить тебя в постель, — заявляю я.

Единственное, что мне хочется сделать, это показать ей, что она должна чувствовать, когда ее трахает настоящий мужчина, но еще слишком рано — слишком хреново, когда она пьяна.

— Я и правда чувствую легкое головокружение, — Мона трет пальцами глаза. — Может, просто немного вздремну.

Я подхватываю ее на руки, и она прижимается к моей груди.

— Ты пахнешь летним дождем, — закрыв глаза, выдыхает она.

— Кэш, принеси, пожалуйста, немного воды и две таблетки аспирина.

К тому времени, как я поднимаюсь по лестнице в ее комнату, Мона глубоко дышит, ее глаза закрыты. Я никогда раньше не испытывал такого удовлетворения. Мне не хочется ее отпускать. Это безумие — испытывать такое сильное влечение к кому-то, кого ты только что встретил, но она пробуждает во мне защитника и будоражит внутреннего зверя.

Я кладу ее на кровать, но Мона не убирает своих рук с моей шеи. Когда я опускаю на нее взгляд, она смотрит на меня снизу-вверх.

— Колт...

— В чем дело, островитянка?

— Ты меня поцелуешь?

«Пиздец».

— Всего один раз, — добавляет она, сдвинув брови.

Я высовываю язык, чтобы увлажнить губы.

— Куда мне тебя поцеловать? — спрашиваю я.

— Везде, — вздыхает она.

«Двойной пиздец».

— Но прямо сейчас..., — Мона наклоняется и прижимается своими губами к моим.

Они пухлые и теплые, мягкие по сравнению с моими. Мое тело берет верх над разумом, я скольжу языком, чтобы раздвинуть ее губы, пробуя ее на вкус. С тихим стоном она повторяет мои движения, и я ласкаю каждую частичку ее рта, наши языки танцуют так, как только что внизу двигались под музыку наши тела. Я обхватываю ладонями ее лицо, углубляя наш поцелуй, а затем, тяжело дыша, отстраняюсь.

— А теперь спи, Мона, — говорю я, выходя из комнаты и чуть не сталкиваясь с Кэшем.

— Ты в порядке? — приподнимает бровь он.

— Черт возьми, нет, — выдыхаю я, проводя рукой по волосам. — Мне, блядь, нужен холодный душ.

Губы Кэша изгибаются в понимающей усмешке.

— Она — Райский сад. Один кусочек яблока...

— Отвали, — рычу я.

Мне нужен душ.

МОНА

Я просыпаюсь с шумом в голове и такой жаждой, какой никогда раньше не испытывала. Ко мне возвращаются воспоминания о прошлой ночи, и мои щеки заливают жар. Как я плавала с Колтом и Кэшем. Смотрела, как они раздеваются. Напряженные мышцы Колта под татуированной кожей. Весь его торс и руки переплетены прекрасными рисунками. Это завораживает.

У Кэша чистая, гладкая кожа с пирсингом из драгоценных камней в сосках.

Я прикусываю губу, заново переживая это воспоминание. Я мысленно представляю, как танцую с Колтом, у которого только полотенце на бедрах, ощущаю тепло его кожи, крепкую хватку его рук, силу его тела, когда он без усилий отнес меня в эту комнату, а затем поразил меня самым совершенным поцелуем в моей жизни. Какие там бабочки. Внутри меня взлетели птицы. В каждом нервном окончании запульсировало электричество. У меня между ног разливается тепло, отчаянно требуя облегчения. Я переворачиваюсь на живот, мои руки исчезают между бедер, утоляя потребность.

Раскрасневшись и насытившись, я улыбаюсь, глядя в потолок и желая, чтобы это были руки Колта, а не мои.

На прикроватном столике стоит стакан воды, а рядом две белые таблетки и записка.

«Выпей их. Они помогут справиться с головной болью».

Я рассматриваю таблетки, и меня охватывает легкая нервозность. Если бы они хотели накачать меня наркотиками, то давно бы уже это сделали, и, честно говоря, им это и не нужно. Я не хочу покидать это место.

После очень долгого душа я надеваю свежую одежду из гардеробной, мысленно отмечая для себя спросить Колта, кому она принадлежит.

Я иду по тихому дому. Огромные окна вызывают у меня невольный страх от постоянной мысли о том, что сквозь них кто-то за мной наблюдает. По моей спине проносится дрожь, и я ловлю себя на том, что не иду, а сбегая по лестнице в надежде поскорее оказаться в компании Колта и Кэша.

Когда я добираюсь до нижней ступеньки, до меня доносится запах горячей еды. Мой желудок урчит в ответ. Мне нравится их еда.

Я иду напрямик в столовую, надеюсь полакомиться, и останавливаюсь как вкопанная.

Мое сердце колотится о ребра.

— Привет. Я тебя ждал, — заявляет их отец.

— Почему? Что, меня тоже можешь убить? — рывкаю я и, войдя в комнату, осматриваю пространство в поисках оружия, которое могла бы использовать.

— Не сильно драматично? — цокает языком он.

Я бросаюсь к столу, хватаю хлебный нож и направляю в его сторону.

— Что ты собираешься с этим делать, запилить меня до смерти? Он тупой, — издевается он.

— Тогда входить будет еще больнее, не так ли? — возражаю я, подходя на шаг ближе.

Я не собираюсь показывать ему свой страх. У него нет надо мной никакой власти.

Он промокает рот салфеткой и откидывается на спинку кресла, в котором вчера сидел

Колт. Где они? Они что, меня подставили? Нет.

— Это пришло мне в голову после того, как прошлой ночью ты ушла из моего клуба, — он наклоняет голову, разглядывая меня.

Сунув руку в карман, он вытаскивает оттуда фотографию.

— Ты похожа на нее. Ты красивее, но сходство есть, — произносит он, подталкивая фото по столу.

Мою голову наполняют грозовые тучи. При виде обнаженного тела моей сестры с окровавленной, вскрытой грудью.

— Ты чудовище! — кричу я, бросившись к нему с ножом.

Он хватает меня за запястье и, прижав его к моей спине, швыряет лицом в стол, от удара моя щека взрывается болью.

Он прижимает меня своим телом, подавляя силой и ростом.

— А ты еще более дерзкая, чем она, — усмехается он.

На лестнице раздаются шаги, и меня резко отпускают. Он вновь занимает свое место за столом как раз в тот момент, когда в комнату входит Колт.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — рычит он отцу, подходя ко мне. — Ты в порядке?

Колт осматривает меня.

Я едва перевела дух, поэтому просто киваю.

— Он прикасался к тебе? — Колт проводит рукой по моей щеке, оставляя после себя покалывание.

Его отец вскидывает руки и пожимает плечами.

— Она набросилась на меня с ножом. Я обезоружил ее, вот и все.

— Я убью тебя на хрен, — рявкает Колт, отодвигая меня себе за спину. Ярость сковывает его позу, в глазах загорается огонь.

— Из-за чего? — рычит его отец, смахивая на пол тарелки. — Из-за очередной шлюшки с острова! Разве эти люди недостаточно у меня отняли?

— Что, черт возьми, происходит? — в комнате объявляется Кэш, его волосы взъерошены, а красивое лицо помято от сна.

— Папа просто был самим собой, проявив себя в своем истинном обличье. Я знал, что ты все еще чертовски зол из-за мамы. Так вот почему ты убил Клару? Чтобы отомстить им?

— Осторожнее, сынок. Те, у кого нечиста совесть, не должны с такой легкостью отправлять на виселицу других, — усмехается он, возвращаясь на свое место.

— Что, черт возьми, это значит? — проходя в комнату, спрашивает Кэш, и его взгляд скользит по беспорядку на полу.

Такая напрасная трата продуктов.

— Ничего. Он просто, как обычно, пытается играть в игры, — защищается Колт, прикрывая меня своей рукой.

— Ты знаешь, где мама? — спрашивает его Кэш, и это, кажется, застает его врасплох.

Он выпрямляется, положив руки на стол.

— Почему ты продолжаешь вспоминать об этой шлюхе-предательнице? Думая, что я все еще зол на нее. Прошло два гребаных десятилетия с тех пор, как она сделала свой выбор. Почему меня должно волновать, где она?

— Тогда скажи мне, почему ты убил мою сестру. Неужели так ужасно, что она полюбила твоего сына? — с отвращением бросаю я, цепляясь за Колта, чтобы не потерять равновесие.

— Какого именно сына? — усмехается он, прищутив глаза.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — огрызается на него Кэш, уперев руки в бока.

— Почему бы тебе не спросить Колта? — он переводит взгляд с одного сына на другого.

— Ты не отвечаешь на вопрос, — выдавливаю я.

— Потому что я не обязан отчитываться перед тобой, деточка. В убийстве твоей сестры была доказана моя невиновность.

— Тогда откуда у тебя эта фотография? — я почти рыдаю, но гнев сдерживает слезы.

— Какая фотография? — хором спрашивают Кэш и Колт.

Я указываю лежащий на столе снимок.

Увидев его, Кэш едва не падает в обморок, и у него из груди вырывается ужасный звук.

— Пресса откуда-то раздобыла снимки и собиралась их продать, поэтому я их купил, — защищается их отец, смахивая со своей руки крошку какого-то фрукта.

— Зачем? — спрашивает Колт.

— Затем, что, если бы они попали на глаза общественности, это повредило бы моему делу. Увидев такое, уже не забудешь.

— Если ее убил не ты, то кто же? — Кэшу все же удается взять себя в руки, чтобы задать этот животрепещущий вопрос.

— Может, тот, кого ты видишь каждый раз, когда смотришь в зеркало.

— Головоломки? Seriously?

— Убирайся к черту, — рявкает Колт, и я невольно вздрагиваю.

— Я все равно собирался уходить. Удачи, милая. Будем надеяться, что это хорошенькое личико не попадет на первую полосу газет.

КЭШ

Прошло четыре дня с тех пор, как у нас объявился отец со своими дурацкими ребусами. Я спросил Колта, понимает ли он, о чем, черт возьми, речь, но он только разозлился и сказал, что сменил в доме все замки, а затем уволил охранников и поваров за то, что они впустили отца.

Мона была тихой и замкнутой, синяк, покрывающий всю левую сторону ее лица, служил постоянным напоминанием о том, что мы не смогли ее уберечь. Колт пребывал в мрачном расположении духа, тихо бушевал, атмосфера была пропитана беспокойством.

— Как насчет того, чтобы посмотреть фильм? — спрашиваю я.

Мона отрывает взгляд от книги, которую читает.

Я нажимаю кнопку, и от потолка отделяется экран проектора, от чего Мона ахает.

Временами я забываю, что она жила не такой жизнью, как наша. Она никогда не смотрела фильмы. Мне придется составить для нее список классики мирового кинематографа.

— Мне нужно заняться кое-какими делами, — объявляет Колт, хватая свой пиджак и выходит из дома.

Мона провожает его взглядом. Она что-то к нему чувствует. Это видно по тому, как она жаждет его общества, внимания.

— Думаю, остались мы вдвоем.

Сверху доносится раскат грома, предупреждающий о надвигающейся грозе.

— Я принесу что-нибудь перекусить, а ты устраивайся поудобнее, — говорю я Моне.

Она очарована «Властелином колец». Я решил, что мы начнем с мощного старта. Каждый раз, когда на экране происходит что-то напряженное, Мона прижимается ко мне, ежится, и подтягивает колени к подбородку.

— Я хочу спасти свой народ, — внезапно говорит она, нарушая тишину.

— Что ты имеешь в виду?

Она поворачивается ко мне, в ее глазах читается решимость.

— Большинство людей на моем острове родились во времена правления моего отца. Они понятия не имеют, на что похож реальный мир, что их не нужно наказывать за обычные телесные инстинкты или желание познать мир.

— Если ты попытаешься рассказать людям о внешнем мире, твой отец бросит тебя в тюрьму.

Мона кивает, и ее локоны падают ей на лицо.

— Я это понимаю. Разве мы не можем привести с собой больше людей, помочь освободить тех, кто не хочет там быть?

— Между вашим островом и городом всегда существовало разделение, к которому относились с терпимостью, за неимением более подходящего слова. Полиция не вмешивается. Полагаю, твой отец платит им за то, чтобы в жизнь острова не вмешивались.

Сверху гремит гром, небо озаряет вспыхнувшая в окне полоса молнии. Внезапно в доме гаснет все электричество, погружая нас в темноту, и Мона практически запрыгивает мне на колени.

— Все в порядке. Просто вырубил электричество. Я включу генератор. Оставайся здесь, — говорю ей я.

Я нахожу фонарик и, спустившись в подвал, вожусь с распределительным щитом, а затем с аварийным генератором. Он не заводится.

Замечательно.

Когда я возвращаюсь наверх, Мона стоит у большого окна в гостиной.

— Там кто-то был, смотрел на дом, — бормочет она, запинаясь и дрожа всем телом.

Мона, наверное, испугалась фильма и темноты. Я подхожу к ней, собираясь сказать, что ей все мерещится, когда она снова начинает.

— Смотри! — кричит она, указывая на небольшое скопление деревьев.

Я вижу, как что-то движется, но не понимаю, что именно.

— Я пойду проверю.

— Я с тобой, — с вызовом говорит она мне.

По-прежнему держа в руке фонарик, я достаю из сейфа пистолет.

Дождь хлещет вовсю, поливая нас обоих.

— Держись за мной.

Вокруг воеет ветер, поднимая вверх листья и всякий сор и разбрасывая их повсюду. Волны бьются о берег с такой силой, что кажется, будто вибрирует земля. Мы огибаем дом по направлению к деревьям, где заметили движение.

— Кто здесь? — кричу я. — У меня оружие, я буду стрелять.

Никто не отвечает.

— Жди здесь, — приказываю я Моне, затем направляю пистолет на деревья и подбираюсь ближе. В крови зашкаливает адреналин. Именно здесь было найдено тело Клары.

Во мне вскипает гнев.

— Если это чья-то тупая шутка, я напишкаю тебя свинцом, — предупреждаю я.

Дождь усиливается, искажая видимость. От внезапного крика Моны у меня в жилах стынет кровь. Развернувшись, я целюсь в ту сторону, где оставил девушку, и стреляю в схватившую ее фигуру.

Бах.

КОЛТ

— Блядь! — кричу я от пронзившей плечо боли и выпускаю Мону из объятий.

— О боже! — в ужасе восклицает она.

Вокруг хлещет дождь, ноги скользят по грязи.

— О, черт! Колт? — кричит Кэш, вытирая с глаз воду.

— Ты, блядь, меня подстрелил, — выдавливаю я.

— Я думал, ты напал на Мону.

— Какого черта вы оба здесь делаете? — спрашиваю я.

Я как раз возвращался домой, когда увидел, как они выходят на улицу.

— Электричество отключилось. Нам показалось, что здесь кто-то есть, — качает головой Кэш. — Черт, нам нужно отвезти тебя в больницу.

Он подходит ближе и вздрагивает, увидев у меня кровь.

— Это всего лишь царапина. К счастью, стрелок из тебя хреновый, — рывкаю я.

— У тебя идет кровь — Мона нервно прикусывает губу.

— Может, мы зайдем в дом и перестанем играть в героев? — ворчу я, срываясь с места.

Электричество отключено, и это еще больше портит мне и без того дерьмовое настроение.

— Где ты был? — спрашивает Кэш, запирая пистолет в сейф.

Он наливает в стакан виски и протягивает его мне. Мона помогает мне снять пиджак и рубашку.

В том месте, где прошла пуля, на плече красуется рана.

— Ты мог бы попасть Мону, черт возьми, — киплю от злости я.

— Я целился в тебя. Я бы в нее не попал. И я хотел ранить тебя, а не убить.

— Тебе лишь бы кого-нибудь замочить, — усмехаюсь я.

— Где ты был? — повторяет он.

Мона убегает за чистой водой и бинтами.

— Я ездил к отцу, — бормочу я, залпом допивая виски.

— Зачем?

— Затем, что мне нужны гребаные ответы для Моны, для тебя, для нас. — Я скидываю руки, но тут же морщусь от жжения в ране.

— Ну и что, ты получил эти ответы? Он никогда не признается в том, что убил ее.

— Я не думаю, что он и впрямь ее убил.

Я протягиваю ему бокал и кивком головы прошу снова его наполнить. Закатив глаза, он наливает еще.

— Ты слишком много пьешь.

— Весьма забавно слышать это от тебя, придурок. И давай не будем забывать, что ты, черт возьми, меня подстрелил.

— Почему ты думаешь, что это не он ее убил?

Во мне вспыхивают огонь и ярость. Я чертовски устал от этого дерьма.

— Потому что он считает, что это сделал я, — реву я, швыряя свой бокал в другой конец комнаты.

Он разлетается на миллион осколков, и как раз в этот момент в комнату возвращается Мона. Она растерянно переводит взгляд с меня на Кэша.

— Давай. Покончим с этим, — огрызаюсь я.

— Ты в порядке? — спрашивает она, ставя на стол миску. Кэш подносит к ране фонарик, чтобы Мона могла ее промыть.

— Я в порядке, — произношу я.

Выхватив из ее рук повязку, я приклеиваю её к своей коже, а затем встаю и поднимаюсь наверх. Мне нужно полотенце и немного поспать.

Я лежу в постели, небо надо мной раскалывает гром, отгоняя сон. Дверь приоткрывается, в комнату входит хрупкая фигурка и направляясь к моей кровати.

— Что ты делаешь? — со стоном произношу я, понимая, что у меня не хватит сил отказать ей, если она попросит меня поцеловать ее, трахнуть или поклоняться ей.

— Можно мне поспать с тобой? Я не хочу оставаться одна.

Я открываю рот, чтобы спросить ее, почему бы ей не обратиться к Кэшу — он более безопасный вариант, — но я эгоист и не хочу отказываться от желаемого.

— Я могу уйти, — дрожащим голосом произносит Мона и хмурится.

Я поворачиваюсь, откидывая одеяло.

— Я уже говорил тебе, что ты никуда от меня не уйдешь, — улыбаюсь я, и это первая настоящая улыбка за последние дни.

Мона прижимается ко мне всем телом, успокаивая мои тревожные мысли.

— Что тебя беспокоит? — шепчет она, скользя пальцами по татуировке на моей груди и осторожно обводя след от пули.

— Я хочу найти для тебя ответы, чтобы ты оставалась здесь не только по таким чертовски жестоким и мрачным причинам. Я хочу, чтобы тебе захотелось быть здесь, чтобы тебе понравилось то, что ты здесь нашла.

— Мне нравится, — выдыхает она, прижимаясь еще сильнее, каждый дюйм ее тела касается меня.

— Ты думаешь, это был твой отец?

— Честно говоря, я не знаю. Если бы это и впрямь было так, ты бы хотела его смерти?

Если она скажет «да», я прямо сейчас заряджу свой дробовик и вручу ей его сердце.

— Да, — вздыхает она. — Нет.

Мона пожимает плечами.

— Мне просто нужны ответы. Я хочу знать, где находится ее сердце — почему кому-то понадобилось причинять ей вред. Она была доброй и невинной.

— Как ты? — Я целую ее в макушку.

— Она была лучше меня.

— Лучше тебя не бывает, островитянка.

Громкий раскат грома прорезает небо. Мона вздрагивает и забирается на меня сверху, обхватывает ногами мою талию и упирается сиськами мне в грудь. Мой член оживает от жара ее киски.

— Эм..., — хмыкаю я.

— Можно я ненадолго останусь здесь? — она дышит мне в кожу, касаясь губами моей груди.

— Не могу гарантировать, что не суну член тебе в задницу, — усмехаюсь я, и Мона заливается смехом, о чего ее тело изгибается на моем.

«Блядь».

— Мне так приятно находиться в твоих объятиях, но я также чувствую вину за то, что живу той жизнью, которую Клара хотела для себя с Кэшем.

— А чего она хотела для тебя? — спрашиваю я, обхватив ее руками.

— Всего, — подняв голову, выдыхает Мона. — Она хотела, чтобы у меня было все, чего не было у нее, и даже больше.

С этими словами она прижимается своими губами к моим.

МОНА

Мы прикасаемся друг к другу каждой частичкой наших тел. Я никогда не чувствовала себя более живой, чем сейчас в его объятиях. Колт накрывает мою щеку своей большой ладонью и притягивает меня ближе, мы прижимаемся губами, пожирая, пробуя друг друга на вкус. Когда он проводит по ним языком и проникает мне в рот, окружающий меня мир поворачивается вокруг своей оси. Теплый язык Колта пробует на вкус каждый уголок, каждый дюйм пространства, овладевая им, заявляя свои права. Другой ладонью он скользит вверх мне под рубашку и обхватывает, мнет мою грудь.

Мои соски болезненно напрягаются, моля об облегчении. Колт слегка их пощипывает, вызывая острую дрожь удовольствия.

Кажется, он заполняет собой каждую частичку моего тела. Наши запахи смешиваются, небо раскаляется от грозового разряда, и в этот момент Колт переворачивается и оказывается надо мной, возвышаясь, удерживая меня в своем плену.

Без особых усилий он хватается за ворот моей рубашки и разрывает ее пополам, открывая своему голодному взгляду мою плоть. Меня захлестывают чувства, каждую молекулу моего существа переполняет предвкушение.

— Ты мог просто попросить меня ее снять, — смеюсь я, и от нервозности и эйфории чувствую себя как в бреду.

— Ну и в чем тут веселье?

Он накрывает губами мой сосок, лишая меня дара речи. Я выгибаю спину навстречу его восхитительным прикосновениям.

— Тебе нравится? — спрашивает он, приподнимая уголки губ.

Каждая клеточка моего тела пробуждается от его улыбки. С этой чертовой улыбкой он мог бы править миром. Голодными глазами он смотрит на бешено пульсирующую венку у меня на шее. Он прижимается к ней губами, заявляя на меня свои права.

— Ты бесценна, маленькая островитянка. Я тебя не заслуживаю, — шепчет он мне в шею.

Мое тело в огне. Боль, которую я раньше чувствовала только от собственного прикосновения, дико пульсирует у меня между ног. Колт покрывает мое тело настойчивыми поцелуями, используя язык, губы, зубы.

Бог наверху дает волю своему гневу, небо раскаляется и обрушивается на дом. Я извиваюсь от каждого движения, поглаживания, ласки. От прикосновений Колта мое тело оживает. Если это грех, то ради этих восхитительных ощущений я охотно буду гореть в глубинах ада, приняв на себя Божий гнев.

Добравшись до моих бедер, он цепляет пальцами край моих трусиков и, спустив их по ногам, отбрасывает прочь. Колт пробует меня на вкус своим языком, и я резко вдыхаю, постанывая от желания.

— Черт, я чувствую запах твоего возбуждения. Тебя невозможно не съесть, — рычит он, сжимая мои бедра, чтобы раздвинуть их шире.

Колт посасывает мой клитор, и я невольно выгибаюсь. Ко мне никогда раньше так не прикасались. Это потрясающе. Я тянусь вверх, чтобы ухватиться за каркас кровати, Колт

пожирает меня, лаская языком, у меня дрожат ноги и напрягается киска.

— О Боже! — кричу я, с дрожью глядя вниз, и вижу, как он превращает меня в трепещущее месиво.

Я парю в состоянии чистого удовольствия и похоти. Его руки и губы повсюду, они прикасаются, целуют, облизывают. Атмосфера сотрясается от бурлящего вокруг нас всплеска желания. Я не думала, что удовольствие может быть таким сильным, таким эйфорическим. Колт раздвигает пальцами мои складочки, а его язык кружит и посасывает меня, лишая дыхания. Моя кожа горит изнутри, каждое нервное окончание испытывает наслаждение, я и не подозревала, что мое тело на такое способно.

Я двигаю бедрами, чтобы Колт проник глубже в меня, мое естество нуждается в большем. Он поднимается по моему телу, и прижимается губами к моим губам.

— Попробуй, как ты прекрасна, — говорит он, ощущая на своих губах мой аромат.

Я обхватываю его ногами за талию. Не могу насытиться. Я хочу, чтобы он меня поглотил. В этот момент мы не Мона и Колт — мы две души, сливающиеся воедино, чтобы создать чистое блаженство.

Я дергаю его за боксеры, помогая их снять, и между нами не остается никакой преграды. Он воплощенная мужская красота. Гладкая, загорелая кожа и четкий рельеф мышц, его тело, разрисовано множеством прекрасных рисунков, воспоминаний.

— На что это будет похоже? — изумленно спрашиваю я, когда вижу, что спереди его толстый ствол унизан ювелирными украшениями.

— Сейчас узнаешь, — ухмыляется Колт, затем завладевает моими губами, выпрямляется и толкается в меня, выбивая воздух из моих легких.

— Черт, ты так прекрасна, — стонет он.

Колт растягивает меня и наполняет до предела. С каждым движением его бедер, драгоценности ласкают мои внутренние стенки, и я запрокидываю голову в восторженных муках удовольствия.

Я чувствую жар. Пот покрывает наши двигающиеся в одном ритме тела, каждый нерв горит, энергия бьет ключом, посылая по моему телу волны восторга.

— Колт! — кричу я, когда его толчки становятся более интенсивными и глубокими, его член набухает во мне, заполняя меня, толкая за грань.

Под моими веками вспыхивает свет. По щеке стекает слеза. Из меня струится горячая пульсация его высвобождения и покрывает мои бедра. Через несколько секунд Колт опускается рядом со мной и притягивает меня к себе.

— Ебать... — с трудом выдыхает он.

— Ебать. Ебать. Ммм... Думаю, мне нравится это слово, — мечтательно вздыхаю я, уткнувшись ему в грудь. Из нее раздается смешок.

Я лежу в теплом коконе из двух сильных рук; мир, который я когда-то знала, теперь изменился навсегда.

Мое тело болит так, как я не могла себе и представить. Изможденные ноги и руки

кажутся привязанными к кровати невидимыми нитями.

— О чем ты думаешь? — раздается у моего уха голос Колта, посылая в каждую клеточку моего тела волны удовольствия.

— О тебе, — честно отвечаю я.

— О, да? И о какой же именно части меня?

Он покусывает мое плечо, затем покрывает поцелуями спину, переворачивая меня на живот. Я хватаюсь за край матраса, чтобы зафиксироваться в этом моменте скопления ощущений, моя кожа суперчувствительна, нервы напряжены. Прикусив губу, я приподнимаю бедра в знак предложения, и он с усмешкой прижимается к моей плоти. Но ненадолго. Дверь спальни внезапно распахивается, и мы оба вздрагиваем, а я вскрикиваю от испуга.

— Какого хрена! — кричит Колт и, отодвинувшись от меня, бросается к своему брату.

Я сажусь и хватаюсь за одеяла, чтобы прикрыться.

— Какого хрена? Это твоя кровь? — в панике спрашивает Колт, осматривая брата на предмет повреждений.

У меня бешено колотится сердце, горло сжимает страх. Кэш выглядит так, словно он в шоке, обе его руки и рубашка в крови.

— Кэш? — Я сглатываю нарастающую во мне панику.

— Это... она... Аннемари.

— Что? — выдыхает Колт.

Кэш указывает себе за спину.

— Кэш, что, черт возьми, произошло?

— Я нашел Аннемари. У нее вырезано сердце, — запинаясь, произносит он.

Тошнота обжигает мне горло.

— Где?

Кэш разворачивается и куда-то идет. Колт хватается за свои боксеры и следует за ним. Я догоняю их, когда они спускаются по лестнице и выходят через парадную дверь.

— Мона, оставайся внутри, — приказывает Колт, но меня ничто не удержит.

Деревья, где я видела наблюдавшего за домом человека. У меня в жилах стынет кровь. Из глаз льются слезы и оставляют дорожку на моей щеке. Обнаженная женщина, Аннемари, ее кожа пепельного цвета, а в груди зияет дыра, и кровь...очень много крови. Ее безжизненные глаза устремлены в небо.

— Она лежала здесь. Я пытался закрыть дыру, — содрогается Кэш.

— Черт, черт, черт, — Колт проводит руками по волосам, расхаживая взад-вперед.

— Это, должно быть, папа, верно? Отправляю сообщение, — горячится Колт.

У меня подгибаются колени, и я падаю на землю. Вот так же лежала и Клара, словно выброшенная на помойку туша мертвого животного. К горлу подступает рвота и выплескивается на траву.

— Отведи ее внутрь, Кэш. Мне нужно во всем разобраться. Черт.

— Что ты собираешься делать? — с дрожью спрашиваю я.

— Мне нужно об этом сообщить. Я должен позвонить в полицию. А потом я убью нахрен этого ублюдка.

КОЛТ

— Я уже рассказал вам все, что произошло в течение этих двух гребаных дней, — говорю я детективу, который попросил меня зайти и еще раз с ним поболтать.

Как и раньше, у полиции нет ни единой, блядь, догадки, кто виновен в смерти Аннемари. Из-за грозы началась неразбериха, везде отключилось электричество. Камер слежения там не было, и никто не знает, с кем ее видели в последний раз. Я устал. Это дерьмо просто напоминает мне о Кларе. Тогда тоже никто ни хрена не знал.

— Вы можете уходить, мистер Уорд, но не предпринимайте никаких поездок за город.

— Я что, подозреваемый? — усмехаюсь я.

— Все подозреваемые, пока мы не получим доказательств обратного.

Я подхожу к Кэшу, который сидит в зоне ожидания. Он выглядит так же, как я, черт возьми, себя чувствую. Дерьмово.

— Вчера они отпустили папу. У него есть алиби, — качает головой он.

— Конечно, оно у него есть, — огрызаюсь я.

— Мне нужно поспать, — стонет Кэш. — У входа репортеры. Я припарковался сзади. Нас выпустят через задний вход.

— Где Мона?

Черт, мне нужно ее обнять.

— В машине. Я не хотел оставлять ее дома, но и привозить в эту дыру, чтобы копы задавали вопросы о том, кто она такая, тоже не хотел.

Хорошая мысль. Меня постоянно просят сюда прийти именно из-за того, что я не хочу, чтобы полиция знала, кто она такая. Мона — мое алиби, и я, черт возьми, не могу ею воспользоваться.

Когда мы выходим на улицу, Мона открывает дверцу машины и бежит к нам, бросаясь в мои объятия.

— Ты в порядке? — всхлипывает она.

— Я в порядке, — улыбаюсь я, прижимая ее к себе и вдыхая ее запах.

— Давай купим еды и пойдем домой. Нам нужно решить, что делать, — Кэш похлопывает меня по спине.

Он понимает, что мы должны делать. Это, скорее всего, наш отец. Больше никому. Мы должны, черт возьми, покончить с ним раз и навсегда — покончить с этим.

Мою кожу обдают струи душа, смывая последние пару дней. В моем мозгу безудержно роятся теории о том, как избавиться от моего отца, не вызвав подозрений. За шумом душа я слышу тихий щелчок двери и, когда сквозь облака пара ко мне проходит совершенно обнаженная Мона, резко вдыхаю. Ее темные волосы ниспадают на грудь. Тонкая талия

плавно переходит в широкие бедра. Она так чертовски совершенна, словно фантазия, рожденная в голове самого Бога.

Ее изящные руки медленными, мучительными движениями гладят мою грудь. Пухлые губы пробуют воду на моей коже.

— Привет, — ухмыляюсь я, глядя на нее сверху вниз, а она смотрит на меня своими большими янтарными глазами сквозь густые ресницы.

— Привет. — Мона высовывает язык, поддразнивая меня.

— Скажи мне, чего ты хочешь, маленькая островитянка? — со стоном произношу я, когда она обхватывает ладонью мой член.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — говорит она мне, затаив дыхание.

У меня в груди громко колотится сердце, по телу ревушим потоком несется кровь и оседает в моем набухающем члене.

Я подхватываю Мону под мышки и без особых усилий поднимаю. Она обвивает ногами мою талию, член удобно устраивается в складочках ее киски, пульсируя от желания оказаться внутри нее. Я сдвигаюсь к стене, прислоняю Мону спиной к кафелю и пожираю ее губы голодными, жадными толчками своего языка. Мона двигает бедрами, опускаясь на мой член, и у меня из горла вырывается рычание. Ее тугие стенки сжимают меня при входе в теплую киску.

— Черт возьми, девочка, — хриплю я, прижимаясь лбом к ее голове, чтобы обрести хоть какой-то контроль.

— Я изголодалась по твоим прикосновениям, — бормочет она, вращая бедрами и постанывая от удовольствия, а толстая головка моего члена массирует ее во всех нужных местах.

Я прижимаюсь губами к шее Моны, помечая ее там. Я опускаю руку к ее киске, провожу подушечкой большого пальца по ее складочкам, нахожу клитор и поглаживаю, усиливая давление.

Ванную комнату наполняют наши стоны.

— Думаю, твоя киска — мой новый гребаный фетиш, — хриплю я, толкаясь в нее бедрами, кожа бьется о кожу, безрассудно и чисто.

Я двигаю бедрами, пульсируя в ней в ритмичном состоянии удовольствия, ощущений и желания, доводя наши движения до отчаянной кульминации.

— Я люблю с тобой ебаться, — вздыхает Мона, приходя в себя от кайфа.

И хотя это нелепо, я хочу сказать: *«А я ебать, как люблю тебя»*.

— Что ты собираешься делать со своим отцом? — шепотом спрашивает Мона.

— Я собираюсь его убить, — говорю ей я, когда мы с ней лежим пресытившиеся и обнаженные на моей кровати.

Я перебираю пальцами ее волосы.

— Ты думаешь, что действительно сможешь убить?

— Если это обеспечит твою безопасность, я убью всех до единого в этом мире и за его

пределами, — честно говорю я.

Мона прижимается еще теснее, пытаюсь забраться мне под кожу, руками она поглаживает татуировки, украшающие мою плоть.

— А ты сможешь остаться с убийцей? — спрашиваю я, сжав челюсть и напрягая мышцы.

Повисает долгая пауза, а затем:

— Я не боюсь скрытой в тебе темноты. Во мне она тоже есть. Я бы убила, чтобы обезопасить тебя, — выдыхает она. — Думаю, чтобы обрести настоящую свободу, мне нужно положить конец правлению моего отца и освободить мой народ, оказавшийся запертым на этом острове.

Ее отец — кусок дерьма. Это нас с ней объединяет.

— Пусть все это рухнет. Сожги весь этот гребаный остров дотла. Это яд, Мона. Они кормят вас ложью, чтобы держать в узде.

— Ты мне поможешь?

Я поднимаю ее лицо к своему.

— Повторяю, если ради твоей безопасности мне придется убить всех до единого в этом мире и в следующем, я готов.

Я срываю с ее губ поцелуй.

Раздается стук в дверь, после чего она открывается, возвещая нам о появлении Кэша.

Мона смотрит на него. Согнув палец, она подзывает его к нам. Он переползает через кровать, занимая место слева от Моны, и перекидывает руку ей через бедро.

— Я устроил фальшивую встречу с нашим отцом. Наконец-то мы можем покончить с этим раз и навсегда, — зевнув, говорит он мне.

— Когда? — рычу я, горя желанием с этим покончить.

— Завтра.

Одной рукой Мона сжимает мою ладонь, а другой — ладонь Кэша.

— Значит, завтра.

МОНА

Я хожу взад-вперед по дому, постоянно ощущая нервное волнение. Кажется, что окна предназначены не для того, чтобы я в них смотрела, а для того, чтобы в них заглядывало зло. С самого первого дня, как сюда приехала, я не могу избавиться от ощущения, что за мной наблюдают.

Открывается входная дверь, и я с облегчением выдыхаю. Они дома.

Но тут же все внутри сжимается, и по спине ползет ледяная рука страха.

— Мистер Уорд, я не ожидала Вас здесь увидеть.

Я пытаюсь улыбнуться и скрыть свое беспокойство. Такие люди, как он, наслаждаются страхом, который внушают, и в прошлый раз он быстро меня одолел. Мне нужно его обыграть, оставить место для побега. Колт и Кэш оставили меня здесь разбираться с ним, и теперь он здесь.

— Это мой дом, дорогая, — ухмыляется он, сделав пару шагов в мою сторону.

Это совсем не похоже на ухмылку Колта. В ней нет никакой красоты.

— Извините, я думала, этот дом принадлежит Колту.

Мне не следовало бы провоцировать его, но я, кажется, не могу контролировать свой язык.

Он поджимает губы, прищуривает глаза.

— А Колт принадлежит мне. Все, что у них есть, — это благодаря мне. Каждый пенни изначально был моим.

— Я не хотела Вас обидеть, — вру я.

— Конечно, ты не хотела. Вы, островитяне, никогда никого не обижаете. Внешне вы все такие хорошие и благодетельные, а в глубине души еще большие грешники, чем мы.

— Я никогда не утверждала, что я не грешница, — говорю ему я. Я осознаю, какая я.

— Зачем ты сюда приехала?

— Чтобы найти убийцу моей сестры.

— Ну и как, нашла? — он приближается, и я пячусь к стене. Мой пульс учащается, кровь так быстро устремляется к сердцу, что мне кажется, я сейчас потеряю сознание. — Нашла ее убийцу? Это, вероятно, случилось тогда, когда ты забралась в постель к ее настоящей любви?

При этих словах меня начинает душить чувство вины. У меня не было секса с Кэшем, но, если бы и был, Клара бы меня за это не возненавидела. Я должна в это верить.

— Кэш и я просто друзья.

Снова ложь. *Кто он для тебя?*

— Ох, — смеется он, прижав палец к моим губам и качая головой. — Не Кэш, а Колт.

У меня кружится голова, во мне вспыхивают боль и смятение. Он отходит от меня с самодовольным выражением на лице.

— Он не говорил тебе, что милая маленькая девственница Клара пришла к нему, чтобы признаться в любви?

— Ложь, — рычу я.

— Лжец тут не я. Видишь ли, Кэш ненавидел меня за то, что я не хотел их связи, и винил меня в ее смерти. Я вырастил этих мальчиков, и он на самом деле усомнился,

способен ли я так с кем-то поступить.

— А Вы способны? — спрашиваю я.

На его губах появляется зловещая улыбка.

— На данный момент это не имеет значения. Люди приняли решение. По заявлениям СМИ, на твоей сестре я выместил свою ярость и злобу из-за жены. Только... у них не нашлось никаких реальных доказательств, так что обвинительного приговора не было. Кэшу следовало искать гораздо ближе к дому.

— Я Вам не верю, — огрызаюсь я, толкнув его в грудь.

Он отшатывается назад, взыв в потолок от смеха.

— Ух ты, маленькая злючка!

— Уходите, — указываю на входную дверь я.

Подняв руки в знак капитуляции, он подходит к книжной полке и вынимает книгу. За ней оказывается панель. Он вводит комбинацию из цифр, и вся стена сдвигается.

— Можешь сама убедиться.

Я обхожу диван и, выдерживая между нами достаточное расстояние, направляюсь в потайную комнату. Всю заднюю стену в ней занимают мониторы. На экранах мелькают все комнаты дома. Я вижу на них комнату для гостей, в которой спала, когда впервые сюда попала, включая ванную, и у меня холодеет внутри. О Боже, все так четко видно. Мой взгляд устремляется на комнату Колта — прекрасный вид на все пространство, включая кровать, на которой мы занимались любовью.

— Тут все записывается? — спрашиваю я, чувствуя комок в горле.

— Каждая неприглядная деталь, — поддразнивает он, вызывая у меня желание натереть кожу отбеливателем со скрабом. — Кроме той ночи, когда была гроза, что очень удобно, ведь тогда он, без сомнения, убивал бедную маленькую Аннемари, чтобы отомстить мне за то, что я с ней встречался.

Вранье. Колт бы этого не сделал. Он не мог этого сделать. Он провел ночь, занимаясь со мной любовью.

— Вы их смотрели? — спрашиваю я.

— О, ради бога, мне не нужно смотреть, как мой сын трахает какую-то шлюху с этого острова. Я не подонок, несмотря на то, во что вас заставляют верить средства массовой информации.

Его слова вонзаются в меня так, словно он орудует ножом.

— Вот, — мистер Уорд встает рядом со мной и нажимает на какие-то кнопки на столе.

На экране загорается введенная им дата. Один за другим мониторы мигают, и в поле зрения появляется столовая.

— Я оставлю тебя, чтобы ты сама смогла в этом убедиться, а потом принять собственное решение.

По полу стучат каблук его ботинок. Я задерживаю дыхание, пока не слышу, как открывается и закрывается входная дверь.

Внезапно на экране появляется Колт. Он моложе, не такой изысканный.

— Чего ты хочешь? — ухмыляется он кому-то за кадром.

В поле зрения появляется фигура Клары, ее длинные волнистые волосы ниспадают ей на плечи, и мое сердце кричит от боли. Она такая энергичная, такая живая. Мне хочется протянуть руку через экран и обнять ее.

— Я не собираюсь возвращаться, — твердо заявляет она.

Я приглядываюсь повнимательнее и вижу у нее на шее цепочку с кулоном. Она была на ней в ту ночь, когда ее убили.

Колт поворачивается, оценивая ее любопытным взглядом.

— И почему это должно меня интересовать?

— Потому что я остаюсь не из-за Кэша.

— Будь осторожна со словами, которые собираешься произнести, — предупреждает ее Колт таким холодным тоном, что меня пробивает дрожь.

Однако, похоже, на нее это не производит такого же эффекта. Клара придвигается ближе, почти бросаясь на него.

— Я люблю тебя. Пожалуйста, Колт.

Он отталкивает ее, и она падает на пол. Ее тело сотрясают рыдания.

— Когда ты заявила об этих необоснованных чувствах, я сразу сказал тебе, что этого никогда не случится.

— Почему ты меня ненавидишь?

— Я не ненавижу не тебя. Я ненавижу то, что вы, люди, никогда не довольствуетесь тем, что у вас есть. Вы всегда пытаетесь урвать больше, при этом причиняя боль тому, кого, черт возьми, хотите.

Он угрожающе возвышается над ней.

— Я не понимаю, — с мольбой произносит Клара.

— Это потому, что ты эгоистична и молода. Ты думаешь только о своих хотелках, желаниях и чувствах. Какая разница, что я ничего к тебе не чувствую? Что смотрю на тебя, и у меня в сердце чернота.

— Прекрати.

— Ты первая женщина, которую полюбил мой брат, и своим присутствием здесь ты это предаешь.

Я вздыхаю в унисон с Кларой.

— Я не поощрял эту симпатию. И не понимаю, откуда она взялась, — рычит Колт.

— Так болит... — произносит она.

— Что болит?

— Мое сердце.

— Оно заживет, и у моего брата тоже, как только ты уйдешь.

Клара вскидывает голову, Колт поднимает ее на ноги, и у меня внутри все переворачивается.

— Что это?

Я вздрагиваю от голоса Кэша. Я не слышала, как он вошел. Он стоит рядом с Колтом, глаза Колта полны огня.

— Выключи это сейчас же, — рявкает он, толкая на пол их отца.

Тот окровавлен и избит. Должно быть, их пути пересеклись, когда он пытался уйти, и они притащили его сюда.

— Нет, ничего не трогай. — Кэш поднимает руку, его глаза наполнены тем же ужасом.

Я и так не знаю, как это остановить. По моим щекам текут слезы. Я даже не поняла, что плачу. Я отодвигаюсь, сохраняя между нами дистанцию.

— Что это? — икнув, спрашиваю я Колта.

— Это ничего не значит. Выключи это, — приказывает он.

Камера фиксирует, как он вытаскивает Клару из дома, а затем изображение пропадает.

— Включи внешнюю камеру, — рывкает Кэш, и от его тона я почти выпрыгиваю из собственной кожи.

— Я не знаю, как, — всхлипываю я.

— Колт? — выдавливаю я.

— Это не то, чем кажется. Кэш...

Кэш начинает поиск записей с других камер.

— Там ничего нет, Кэш, — предупреждает Колт.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду, когда говоришь, что там ничего нет?

Напряжение нарастает. Ничего не обнаружив, Кэш бросается на Колта, хватая его за лацканы пиджака.

— На экране камеры видна только передняя часть дома. Те, что выходят на причал и прилегающие территории, были повреждены во время разразившейся тогда грозы, и не ремонтировались больше месяца.

— Это действительно чертовски удобно. Совсем как с Аннемари.

— Именно так сказал твой отец, — говорю я, указывая на него.

Мистер Уорд сплевывает кровь, вытирая нос.

— Кэш, я же говорил тебе, что это был не я. Ее убил Колт.

— Лжец! — рычит Колт и бьет ногой мистери Уорду в рот. У того выпадает зуб и ударяется о стену. Мистер Уорд со стоном падает на пол.

— Это он показал тебе это? — Колт поворачивается ко мне, у него на шее учащенно бьется пульс. Его взгляд бешеный. Маниакальный.

— Он сказал, что ты был ее настоящей любовью, — всхлипываю я.

— Ради всего святого, что, черт возьми, ты натворил, Колт? — кричит Кэш.

— Нет, — запинаясь, произношу я. — Я не могу в это поверить.

— Мона... — выдыхает Колт, делая шаг ко мне. — Позволь мне объяснить.

— С тобой я чувствовала себя в безопасности.

— Так и есть. Пожалуйста..., — он протягивает руку, но я качаю головой.

— Просто скажи мне, это ты украл ее сердце, Колт? — плачу я.

В комнате воцаряется тишина, наше с Кэшем внимание приковано к отражающимся на лице Колта эмоциям.

— Я разбил ей сердце. Но я его не крал, — выдыхает он, потирая шею, его переполняет усталость.

— Ты спал с ней? — обреченно спрашивает Кэш.

— Нет, — рывкает Колт. — Потому что ты, блядь, сказал мне, что она другая, и ты не хочешь ни с кем ее делить.

— Кларе было здесь не место, и мне тоже, — выдыхаю я, качая головой.

Мое сердце разрывается на части, истекая кровью у их ног.

— Не делай этого. Не дай ему победить, — просит Колт.

Я смотрю на их отца, потом на него.

— Я не доверяю никому из вас.

Печаль сжимает мое горло. Земля сотрясается, мир вокруг меня рушится. Я веду внутреннюю войну, заживо погребенная под руинами смерти Клары.

Огонь догорел. Остался только пепел.

— Мона? — окликают меня они оба, но я вскидываю руки.

— Не подходите ко мне, — хриплю я. — Держитесь от меня подальше, черт возьми.

— Мона... — зовет меня Колт, и в его голосе слышится поражение.

— Держись от нее подальше, черт возьми, — рычит Кэш и, размахнувшись, бьет кулаком Колту в челюсть.

Они дерутся, натываясь на стены и стол. Я пробегаю мимо них. Распахнув входную дверь, тут же врезаюсь в стену из плоти. Я разеваю рот.

— Отец?

— Мона, — произносит Илай и, выйдя из-за спины моего отца, прижимает меня к себе.

— Илай?

— Слава Богу, мы тебя нашли.

До меня из комнаты эхом доносится шум, ругань и звуки падающей мебели. Неужели это происходит на самом деле?

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я их обоих, но отвечает мне Илай.

— Что ты здесь делаешь — вот вопрос получше.

— Пора возвращаться домой, Мона. — Мой отец поднимает руку и затыкает мне рот салфеткой. Мои ноздри и горло обжигает резкий запах.

Мое зрение притупляется, но я борюсь с крепкой хваткой отца, затем мои глаза застилает небытие, и я погружаюсь в темноту.

КЭШ

В моих венах бурлит гнев, жгучий и осязаемый. От тяжести в груди перехватывает дыхание. Все это время я искал ответы, цепляясь за надежду, что мой отец не убивал Клару, что в ее смерти не было моей вины. Мысль о том, что Колт мог причинить ей боль, кажется слишком тяжким бременем, чтобы, черт возьми, его вынести. Я мысленно представляю ее прекрасное, искаженное страхом лицо, когда она смотрела на точную копию мужчины, обещавшего ей весь мир.

— Ты должен меня выслушать, — требует Колт, у него из носа течет кровь.

— Пошел ты на хер. Ты действительно это сделал? — спрашиваю я, повалив его на пол и занеся над ним кулак.

— Как ты можешь так думать?

— А что насчет Аннемари?

— Мне было плевать на Аннемари. Какого черта мне ее убивать? Это папа настраивает нас друг против друга, пойми уже наконец. Ему всегда была ненавистна наша связь.

— Ааааа, — реву я, ударяя кулаком по полу рядом с его головой, затем поднимаюсь на ноги.

Острая боль раскалывает мой череп.

— Я не могу думать, — со стоном произношу я. В моей голове бушует хаос.

— Клара пришла ко мне в ту ночь, — задыхается Колт, пытаюсь взять себя в руки.

Я понимаю, что он мог бы дать отпор, надрать мне задницу, но он этого не сделал. Он принял на себя мою ярость.

— У нее были ко мне чувства, но я этого не поощрял. Я не понимаю, почему она что-то ко мне чувствовала. Я даже не был с ней любезен. Я был придурком, но она, похоже, этим наслаждалась.

— О чем ты говоришь?

— Мне чертовски жаль. Я ничего не делал. Я сказал ей садиться на наш катер и убивать домой. Когда она отказалась, я отвез ее сам.

— Почему она, черт возьми, не могла меня полюбить? Ради нее я бы перевернул небо и землю.

Это, блядь, ранит больше всего на свете. Правда меня настигла, и это всего лишь еще более сильная боль.

— Я люблю тебя, Кэш. Ты мой брат, моя кровь. Если бы я знал, что в ту ночь она умрет... Я миллион раз прокручивал в голове ту ночь, я бы сделал все, что угодно, чтобы это изменить.

— Она все равно была гребаной шлюхой, почему, черт возьми, вы оба не можете просто ее забыть? — кричит наш отец, изо рта у него льется кровь.

Я подхожу к сейфу, достаю пистолет «Хардболлер» и, направив его отцу между глаз, выпускаю две пули ему в голову. У него нет времени среагировать, увидеть, что происходит. Бах, бах — и отбой. Мне следовало сделать это пять лет назад. Даже если он ее не убивал, он причинил ей боль. Он был отвратителен по отношению к ней. К Моне.

— Кэш... — в недоумении произносит Колт, широко раскрыв глаза и подняв руки.

— Он сам напросился, — заявляю я, и Колт кивает в знак согласия.

— Мы не можем позволить ей уйти, — говорит он мне. — Только не так.

— Что ты предлагаешь, брат? Снова запереть ее в своей башне?

— Я недостаточно хорошо объяснил. Ей нужно услышать эти слова.

— И что это за слова? — Я бросаю пистолет на кофейный столик и, взяв декантер, отхлебываю алкоголь прямо из него.

— Что я, черт возьми, не убивал Клару! — восклицает Колт, выхватывая у меня сосуд и делая глоток.

— Эти видеозаписи просто убийственные, — фыркаю я.

— Ты же меня знаешь, — сердито смотрит на меня Колт.

— Я знаю, ты бы с лёгкостью убил, чтобы защитить меня от боли. И, если Клара меня не любила, ты понимаешь, как плохо я бы воспринял эту гребаную новость.

Я сажу, обхватив голову руками.

— Ты прав, ты бы скатился по спирали во тьму, убивая себя выпивкой и дешевыми женщинами, как ты и делал, когда она умерла. Но ты бы выкарабкался из этого, когда в твоей жизни появилось бы что-то настоящее, не увлечение, а настоящая любовь, как с Моной.

— Что? — я поднимаю на него взгляд, решив, что неправильно его расслышал.

— Да ладно тебе, Кэш. Я знаю тебя лучше, чем ты сам.

Я прокручиваю в голове все, что он сказал за последние двадцать минут, анализируя все это и раскладывая по полочкам.

— Ты сказал, что сам ее высадил. Ты отвез ее на остров.

— Можешь себе представить, какой шок я испытал на следующее утро, обнаружив в наших владениях ее труп?

— Как она сюда вернулась? — встав, говорю я.

— О чем ты? — Колт возвращает мне выпивку.

— Да о том, что либо кто-то отсюда отправился за тобой на остров и забрал Клару там, где ты ее оставил, либо...

— Либо кто-то с острова убил ее и привез сюда.

— Ты слышал, что Мона сказала о нашей матери. Она уверена, что ее не было на острове, она так и не вернулась — точно так же, как они думали о Кларе.

— Черт. Ты думаешь, убийца с острова? А как насчет Аннемари?

— Мона сказала, что все это время чувствовала, будто кто-то за ней наблюдает. Что, если этот кто-то последовал за ней сюда?

Во мне просыпается зверь-собственник.

— Нам нужно найти Мону, — в голосе Колта чувствуется паника.

— Она же пешком ушла. Она не могла далеко уйти, — пытаюсь успокоить его я, но у самого в груди бешено колотится встревоженное сердце.

— Что будем делать с ним? — киваю я в сторону нашего мертвого отца, лежащего в луже крови.

— Избавимся от него позже. Давай найдем нашу девочку.

МОНА

Я распахиваю глаза. И тут же, тяжело дыша, вскакиваю. Все вокруг раскачивается, ревет двигатель. Мы на лодке. Нет!

— Ты проснулась. Отлично, — холодно говорит мой отец.

— Я не собираюсь возвращаться! Нет! Остановись! — кричу я.

— Я добавлю тебе еще одну дозу, — предупреждает убийственным тоном отец.

Я встаю, оглядываюсь по сторонам и вижу, как в лучах заката растворяется дом Колта.

«Нет, нет».

С каждой секундой отдаляясь от Колта, я чувствую, как все больше умирает моя душа. Он не мог быть тем, кто убил Клару. Конечно, я бы это почувствовала.

До встречи с ним я была такой потерянной. Он пробудил меня, а потом разбил на тысячу кусочков.

Но ведь все подтверждает вину Колта! На тех кадрах отчетливо видно, как он грубо с ней обращается, как он жесток. Той ночью она умерла, ее тело нашли на их территории. Слишком много доказательств, свидетельствующих против него, и все же что-то подсказывает мне, что это невозможно.

У меня в горле застревает отчаянный всхлип.

— Все в порядке. Когда мы вернемся, ты сможешь покаяться, — усмехается отец.

Он хватает меня за волосы, запрокидывая мою голову назад, и я морщусь от боли.

— Только посмотри на этот мусор у себя на лице. Они сделали из тебя свою шлюху точно так же, как из твоей сестры?

У меня на лице всего лишь ароматизированный блеск для губ.

— Ты знал о них с Кларой? — хнычу я.

— Конечно, я знал. Их отец об этом позаботился. Какое же он мерзкое создание. Неудивительно, что жена бросила его, чтобы возродиться вместе с нами.

— Где Джудит? — спрашиваю я, желая понять, что с ней случилось.

— Джудит нарушила наши законы, — презрительно говорит он, отпуская меня резким толчком. Я натыкаюсь на Илая, который смотрит скорее на океан, чем на меня. — Она бросила нас, чтобы обратиться за медицинской помощью. Ее вера была недостаточно сильна. Вот почему я перестал брать людей из внешнего мира. Только чистокровные верующие благословлены его светом.

Илай даже не моргает, верный маленький слуга, не перечаший грубому обращению, которое так любит демонстрировать мой отец.

— Зачем ты за мной приехал? Разве я не должна последовать судьбе Джудит? Я нарушила ваши драгоценные законы.

Внезапно он бьет меня наотмашь, оставляя на моей скуле огненный след. Я впиваюсь зубами в десну, на языке разливается медный вкус. Ублюдок.

Слово, которым Колт называет своего отца, идеально подходит и для моего. Они оба ублюдки.

— Наши правила придуманы не просто так, Мона. А чтобы уберечь наш народ от порочного, токсичного яда внешнего мира. Над ними нельзя насмехаться и нарушать. Ты моя

дочь, и ты наивна. Тебя ждет наказание, потом ты выйдешь замуж и испустишь свою вину.

— А если я не захочу выходить замуж? Что тогда, отец?

— Илай — хороший человек, готовый закрыть глаза на твою оплошность в суждениях.

Считай, что тебе повезло, и делай то, что тебе говорят.

— Илай? — зову я, и в моем голосе слышится гнев. — Илай? Ты хоть что-нибудь скажешь?

Он поворачивается ко мне, в его глазах пустота.

— Тебе было предначертано быть моей женой, Мона. Ты это поймешь.

— Нет, — плачу я, глядя на воду.

Выживу ли я, если брошусь вниз?

— Даже не думай, — цедит сквозь зубы мой отец, снова зажимая мне рот.

Я пытаюсь сопротивляться этому, но оно слишком сильное. Мои легкие наполняет дурман и погружает меня во тьму.

Я просыпаюсь в своей комнате, у меня такое чувство, будто мой череп раскололся и все его содержимое вывалилось наружу. У меня двоится в глазах, размывая все вокруг. Я замечаю, что на моей кровати все еще лежит спичечный коробок, и засовываю его в карман. Я касаюсь шеи и вздыхаю с облегчением. Ожерелье Клары все еще на ней.

Я встаю, восстанавливая равновесие.

Пытаюсь открыть дверь, но она заперта.

— Мама? — пробую позвать я, но мне вторит лишь пустое безмолвие.

Я смотрю на окно. Оно по-прежнему плотно заколочено гвоздями.

— Отец? — плачу я.

Неужели Колт просто смирится с тем, что я ушла, и даже не будет меня искать?

Я оглядываюсь в поисках чего-нибудь, чем можно было бы разбить стекло. Вытащив из комода ящик, я швыряю его в оконное стекло, он отскакивает и едва не попадает мне в лицо. Дерьмо. Я пробую снова, развернув его под другим углом и приложив больше силы. Ящик ломается, стекло сыплется, словно конфетти.

Не теряя времени, я пролезаю в окно. Стекло режет мою кожу, и бедро пронзает острая боль.

Я пробегаю десять шагов, и в меня врзается Илай, сбив с ног и выбив из моих легких воздух.

— Я не могу позволить тебе снова уйти.

Я потираю грудь, пытаюсь восстановить контроль над дыханием.

— Илай, я не могу выйти за тебя замуж

— Я знаю. Твой отец знает. Он готовит очищение.

— Что?

— Тебя вообще волнует, каковы будут последствия твоих действий?

— Я заслуживаю свободы воли. Бог создал нас, чтобы мы были свободными людьми.

— У тебя здесь есть обязательства. Твоя мать заключена в тюрьму из-за твоего эгоизма.

Ты совсем как Клара.

— Жизнь не может быть полной наполовину, Илай.

Он протягивает руку, хватая цепочку на моей шее и срывает ее. Задыхаясь, я тянусь за ней, но промахиваюсь мимо его руки.

— Я думал, что, отдав тебе это, утолю эту потребность в утешении.

— Что?

— Она была полной тьмы, Мона, такой неуправляемой, и она бы вернулась за тобой.

— Илай? Нет...

— Теперь я вижу, что она уже слишком сильно запятнала тебя, чтобы я мог тебя спасти.

Он лезет в карман куртки. В лунном свете блестит лезвие.

— Нет, — выдыхаю я.

«Ни за что. Пожалуйста, нет».

Мне в ноги ударяет прилив энергии, и я срываюсь на бег. Я добегаю до линии деревьев и исчезаю под их кроной. По лицу меня хлещут ветки, под ногами ломаются сучья, выдавая то, куда я направляюсь. Я размахиваю руками, мозг бурлит от этой новой информации, пытаюсь придумать безопасное место, где я могла бы спрятаться. Я меняю направление, удаляясь от мест, где мы часто вместе гуляли. Лес становится гуще, темнее. Я бегу дальше.

В лунном свете меня преследуют тени. Любая из них может оказаться Илаем. У меня совсем нет времени. Я замечаю скопление скал, которых никогда раньше не видела, и направляюсь к ним. В них я нахожу отверстие, достаточно большое, чтобы в него мог пролезть человек. Проскользнув внутрь, я спотыкаюсь о ветку и падаю на грязную землю. Здесь очень темно. Пространство тесное, примерно восемь футов в длину и четыре фута в ширину. В меня впиваются плотные ветки, разрывая кожу. Я роюсь в кармане, достаю спички и пытаюсь одну зажечь. У меня дрожат руки, поэтому мне это удастся только после нескольких попыток. Я опускаю вспыхнувшую спичку к ноге и вижу, что мне в голень вонзилась толстая белая ветка, и вокруг нее растекается кровь. Какого черта? Подождите, это не ветка... С ужасным криком из моих легких вырывается воздух, я роняю спичку, осветив лежащие у меня под ногами кости.

К горлу подступает рвота и тут же выплескивается наружу, как кислота, оставляя ожег у меня на языке. Я двигаюсь назад сквозь узкое пространство, прочь от ужасного открывшегося передо мной зрелища, но внезапно цепляюсь ногой за ветку дерева и падаю. Я слышу, как приближается Илай, как он зовет меня. Если он найдет меня и увидит, что я тут нашла, меня тоже похоронят здесь и оставят гнить.

Я поднимаюсь на ноги. Дыхание ревет у меня в ушах. Услышав, как позади ломаются ветки, и в ночное небо вспархивает стая птиц, я припускаюсь со всех ног.

— Мона, тебе не убежать от своей судьбы, — рычит он.

Я продираюсь сквозь заросли кустарника и, выскочив на песок с другой стороны острова, скатываюсь вниз по склону. Боль обжигает все мое тело, песок жалит открытые раны. Я поднимаюсь и иду, но рана у меня на ноге слишком серьезная, чтобы полноценно на нее ступать.

— Тебе следует быть осторожной в своих желаниях, Мона. Возможно, это твоя последняя просьба, — говорит Илай у меня за спиной.

У меня из глаз льются слезы, сердце замирает.

В облике Илая проступает трещина, внешний фасад рушится, и сквозь осколки проступает его истинное "Я".

— Ты хочешь жизни вдаль от этого острова, и я тебе это устрою — у тебя вообще не будет никакой жизни.

Я поворачиваюсь, и он бросается на меня.

— Подожди, — умоляю я, упав на песок.

Он медлит, остановившись как вкопанный.

— Только скажи мне... почему ее сердце? Где оно?

— Здесь, там, где ему и положено быть.

Все это время оно было здесь?

— Чьи кости находятся в этой пещере?

— Первой предательницы, разбившей мое чертово сердце.

— Я не понимаю...

— Моей матери. Она сбежала в свою псевдосемью и думала, что мы просто примем ее возвращение. Она всегда приходила и уходила, запятнанная внешним миром. А потом, Клара. Я застал ее сбегающей тайком. Я последовал за ней и увидел ее с этими развращенными деньгами язычниками. Они думали, что правят миром и могут получить от нас все, что захотят.

— Так вот почему ты оставил там ее тело? Чтобы их подставить?

— Ты говоришь как одна из них, Мона. Они забили твою голову иллюзиями. Я оставил им ее пустую оболочку. Ее сердце навсегда останется здесь, как и твое.

— Ты поехал туда за мной?

— Мне пришлось. Я должен был самолично убедиться в твоём предательстве. Это разбило мне сердце.

— Это ты убил Аннемари?

— Она была грешницей, Мона. Она была предупреждением, но ты не восприняла это как предупреждение. Ты не вернулась домой, и тогда я понял.

— Понял что?

— Что тебя уже не спасти.

Я беру пригоршню песка и бросаю ему в лицо. Песчинки попадают ему в глаза, и Илай кричит от боли. Я поднимаюсь и бегу в воду, захожу глубже, и волны плещутся о мои ноги, голени, а затем и бедра.

— Мона! — рычит Илай.

Вернув себе самообладание, он входит в воду, но я знаю, что Илай не умеет плавать — учиться было запрещено. Я напрягаю руки, как, помнится, делал Кэш, и толкаюсь ногами, как учил меня Колт. Так я двигаюсь все дальше, дно океана так глубоко, что уже не касается моих ног. Я выплевываю воду, которая так и норовит попасть мне в рот, и плыву вокруг края острова, я слишком далеко от другой земли и устану и утону, если попытаюсь отсюда уплыть. Вода доходит Илаю до колен, и он не идет глубже. Я двигаюсь в сторону, он не отрывает от меня взгляд и следует за мной вдоль берега. Большое скопление скал отрезает пляж, и Илаю приходится смотреть, как я уплываю от него за огромные валуны. С дрожью в руках он теряет все свое самообладание. Повернувшись, он снова исчезает за деревьями. Я напрягаю руки и ноги, не обращая внимания на обжигающий холод воды и пронзающую боль в конечностях, упорно плыву вдоль острова. Я не останавливаюсь до тех пор, пока уже физически не могу больше оставаться в воде и еле дотягиваю до берега. Через некоторое время в нескольких ярдах от себя я замечаю катер, и начинаю шуриться и тереть глаза. С вырвавшимся из груди криком облегчения, я вижу приближающееся ко мне лицо Кэша.

КОЛТ

У нас ушло слишком много времени на то, чтобы понять, что Мона исчезла. И не просто вышла и отправилась на гребаную прогулку — ее нигде не было. Когда Кэш сказал, что она, должно быть, вернулась на остров сектантов, по моим венам разлилась паника.

Я не мог поверить, что она добровольно туда вернется. Кто-то за ней приехал. Вероятно, тот же самый ублюдок, что убил Аннемари.

— Блядь! — реву я в глухую морскую пучину. — Если с ней что-то случилось... — бормочу я Кэшу, который ведет гребаный катер к этой чертовой дыре.

Мы вернем нашу девочку.

— Плыви к скалам. Мы ведь не хотим дать им знать их о нашем присутствии, — говорю ему я, указывая на место вдалеке от их причала.

Горизонт поглотил солнце, погрузив нас во тьму, и это очень затрудняет навигацию. Кэш заглушает двигатель и выпрыгивает из катера, размышляя, к чему бы его привязать.

— Что это там? — спрашиваю я, указывая на что-то дальше по берегу. Кто-то волочит ногу и размахивает руками.

— Черт! Это Мона, — рывкает Кэш, бросаясь к ней.

Я выпрыгиваю из катера и кидаюсь вслед за ним. Какого черта она хромает?

Кэш добирается до нее первым, заключая в объятия. И тут я вижу, как позади него кто-то выходит из-за деревьев.

Парень делает шаг вперед. Ему на лицо падает лунный свет, и у меня в голове вспыхивает узнавание. Это мамин сын, Илай.

— Она моя! — ревет он и, вскинув руку, бросается на Кэша.

Я кидаюсь вперед, обхватываю его руками и падаю с ним на песок. Я прижимаю его к себе, нанося удар за ударом по лицу.

— Как насчет того, чтобы дать ей самой решать, где и с кем ее место? — рычу я, и до боли в костяшках пальцев бью его по лицу.

— Колт! — кричит Мона, и повернувшись, я вижу, что она приподняла голову Кэша себе на колени и держит ее в ладонях.

Илай что-то бормочет, давясь собственными зубами, а я подбегаю к Кэшу, проверяя, не ранен ли он.

— Илай ударил его ножом в спину, — всхлипывает она.

Я поворачиваю голову и вижу, что из ублюдка все еще течет кровь, затем возвращаю свое внимание к Кэшу.

— Я в порядке, — морщится Кэш.

— Тогда какого хрена ты лежишь здесь так, будто умираешь? Ты напугал нас до усрачки, — рычу я.

— Мне просто нравится вид.

Полусмеясь, полугримасничая, он смотрит на встревоженное лицо Моны.

— О, Господи, — восклицает она, наклоняясь и прижимаясь своими губами к его губам. Протянув руку, Мона притягивает меня к себе. — Я не могу поверить, что вы за мной приехали.

— Мы всегда за тобой приедем.

Я беру лицо Моны в свои ладони и целую ее губы, нос, щеки, веки.

— Давай, — говорю я ей, помогая им с Кэшем подняться.

— Моя нога, — вздрагивает она, глядя вниз на текущую из открытой раны кровь.

— Что случилось? — спрашивает ее Кэш.

— О боже, Кэш, Илай убил вашу мать, — плачет она.

Требуется пара секунд, чтобы до меня дошло, что она говорит. Меня захлестывает волна грусти при мысли о моей матери и ее любви к этому месту — к ее сыну Илаю. Этому ублюдку.

— Простите меня, — умоляет Мона.

— Это не твоя вина, — уверяю ее я.

— Кэш... — бормочет она, протягивая к нему руку. Он обнимает ее, прижимая к себе, как будто тонет, а Мона его спасательный круг.

Илай извивается на песке, как раздавленный червяк.

— Ублюдок, — рычу я. Я бросаюсь к нему, но Мона останавливает меня, схватив за руку.

— Нет, — качает головой она, затем ковыляет к большим, разбросанным по песку камням.

Взяв один размером почти со свою голову, Мона, прихрамывая, подходит к Илаю. Его дыхание затруднено, он кашляет кровью.

— Твое сердце принадлежит мне, — бормочет он.

— Твое место в аду. У тебя никогда не было сердца, вот почему ты украл Кларино, — усмехается она и с резким надломленным ревом изо всех сил бьет камнем Илая по голове. Затем снова и снова, пока у нее не устают руки. Багровые брызги заливают ее лицо и волосы, от очередного удара его череп с ужасным хрустом раскалывается, и теперь лицо Илая напоминает месиво из земли и мусора.

Его тело бьется в конвульсиях, нервы подергиваются, а затем он замирает. Кровь просачивается в песок, луна — наш единственный свидетель, приближается прилив, который смывает все улики.

Мы были правы. Убийца был родом из этого места — и сыном нашей матери, из всех гребаных людей.

— Что теперь? — спрашиваю я, желая перекинуть Мону через плечо и умчаться с ней домой, запереть ее там навечно, но она не моя пленница, и вообще не пленница, ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Теперь мы освободим всех остальных. Пришло время положить конец правлению моего отца, — говорит она мне, сильная и уверенная в себе, несмотря на то, что выглядит так, словно ее сбил грузовик.

МОНА

Когда я разбила камнем череп Илая, и его теплая кровь окропила мою кожу, словно награда за то, что я наконец-то добилась справедливости для Клары, по моему телу разлилось спокойствие.

Все те ночи, что я лежала с ним, и он прикасался ко мне этими руками, которыми лишил жизни мою сестру... Я никогда не прощу ему того, что он у меня забрал. Покончить с его жизнью было слишком милосердно. Мне следовало запереть его в отцовской тюрьме и оставить там гнить.

— Эта рана выглядит просто ужасно. Нам нужно будет ее перевязать. — Колт хмуро смотрит на мою ногу, из открытой раны все еще сочится кровь.

— Моя мать заключена в темницу отца. Нам нужно освободить ее и найти Клаудию.

— Кто такая Клаудия? — спрашивает Колт, срывая с себя рубашку и наклоняясь, чтобы перевязать ею мою ногу.

— Она была подругой Клары, — кивает Кэш. — Той, что помогла Кларе добраться до острова и обратно. Показывай дорогу.

— Моему отцу не слишком понравится, что вы здесь.

— Это его проблема, а не наша, — Колт подхватывает меня на руки, как жених невесту. — Позволь мне немного тебя понести. Ты выглядишь так, словно вот-вот упадешь в обморок.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что любишь меня, — шепчу я. На его лице сменяется множество эмоций. — Это ведь и есть любовь, верно? Дуновение твоего аромата, сила твоей хватки, вкус твоих губ. Я провожу ладонью по его щеке.

— Сквозь тьму здесь виден свет..., — я кладу руку себе на сердце. — Я чувствую, что ты живешь здесь.

— А я чувствую тебя повсюду, — говорит он, на мгновение закрывая глаза. — Я ни на что не поменяю это чувство.

— Тебе и не придется. Я твоя, — выдыхаю я. Повернув голову, я протягиваю руку и сжимаю ладонь Кэша. — Я принадлежу вам обоим. Мы принадлежим друг другу.

Как и следовало ожидать, мы застаем моего отца в церкви, планирующим мое очищение.

Когда я вхожу с растрепанными волосами, свисающими по плечам мокрыми прядями, вся в синяках и порезах, окрашивающих мое лицо в целый калейдоскоп цветов, он потрясенно распахивает глаза. Моя одежда изодрана в клочья, вокруг голени обмотан

пропитанный насквозь кровью кусок рубашки.

Отец обходит свою скамью и останавливается, когда вслед за мной в церковь входят две мои родственные души, высокие, окровавленные и угрожающие, словно атакующие волки, готовые разорвать его на куски.

— Тебе это с рук не сойдет, — произносит он, сжимая кулаки.

Я киваю головой, отдавая команду, и мои волки набрасываются на него, без особых усилий повалив моего отца на землю.

— Это не так просто, как избивать маленьких девочек, да, отец? — язвительно говорю я.

Его выволакивают на улицу со связанными за спиной руками, как преступника, каковым он и является. Я рада тому, что нас скрывает покров ночи.

Когда мы возвращаемся к их катеру, Кэш с Колтом втаскивают отца на борт, а затем поднимают меня и уводят судно так далеко от острова, чтобы нас никто не увидел и не услышал.

— Я не враг, Мона, — мой отец пытается вырваться из своих пут, сделанных из церковного балахона.

— Нет, враг, — рявкаю я.

— Почему ты относишься к этому как к войне? — рычит он.

— Потому что это она и есть, — огрызаюсь я. — Я борюсь за свою свободу. Твоя вера — не моя.

— Когда свет померкнет, кто спасет тебя, если у тебя не будет веры?

Он искренне верит в то, что вырывается у него изо рта.

— Я не боюсь темноты, — качаю головой я.

— А стоило бы.

— Я не боюсь ее, потому что я сама тьма. Ты вынудил меня ею стать.

— Мона?

Теперь он произносит мое имя с некоторой паникой, в его глазах вспыхивает страх.

— Мне жаль, что тебе придется умереть, чтобы я могла жить.

— Мона, — настойчиво произносит он.

— Все в порядке, отец. Если твой Бог и впрямь существует, тебе не следует бояться смерти.

Колт смотрит на меня, ожидая указаний. Я киваю головой, чтобы он поднял моего отца на ноги.

Я закрываю глаза, собираясь с духом.

— Пока, отец, — говорю я, снова открывая их, легко и просто.

Я толкаю его в грудь, и он, вытаращив глаза от шока, ударяется о воду, поднимая фонтан брызг. Отец быстро тонет, борясь со своими путами. Я вижу, как он исчезает, уходя под воду, и на ее поверхности появляются пузыри. В моем сердце нет чувства печали, только облегчение.

— Что теперь? — спрашивает Колт.

— А теперь мы идем освободить мою мать.

Эпилог первый

Мона

Подземелье под тем самым алтарем, на котором мой отец проповедовал Божьи слова и свет, было местом ужасов и ада. Мой отец был дьяволом. Ему нужно было умереть, чтобы наш народ мог жить.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорю я маме, а она теребит завязки своего платья.

— Не думаю, что у меня получится, — бормочет она.

Я нашла и ее, и Клаудию в маленькой клетке, тесной даже для животного, не говоря уже о человеке. Бедная Меган забилась в свою камеру в ожидании вести, заделал ли ей ребенка кто-то из осквернивших ее мужчин. Когда я рассказала матери о своем отце, она заплакала со смесью горя и ликования.

— Ты станешь замечательным лидером для поселенцев, которые захотят здесь остаться. Им нужен кто-то добрый и любящий.

Не все хотели свободы. Некоторые оплакивали своего лидера, который, по официальной версии, погиб в результате несчастного случая на лодке вместе с Илаем. Так было проще.

Клаудия и группа молодых островитян решили уехать, заручившись обещанием финансовой помощи от фонда братьев Уорд, созданного для того, чтобы помочь островитянам адаптироваться в обществе. Но для некоторых этот остров всегда был домом, и они слишком боятся уезжать.

Моя мать занимает свое место в передней части церкви, не на возвышении, а на том же уровне, что и ее народ. Она не читает им проповедей.

Я сажусь рядом с Мэри, которая решила остаться здесь вместе со своей семьей.

— Прежде всего я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли сегодня на эту встречу. Я думаю, что нам будет полезно проводить подобные мероприятия, чтобы учитывать любые опасения наших жителей и решать их гуманным и цивилизованным образом.

Она вздрагивает, и в воздухе повисает неуверенное молчание.

— Все изменится. Я понимаю, что некоторым людям тяжело меняться, и я хочу, чтобы вы понимали, что можете смело высказывать свои опасения.

— И что же изменится? — заговаривает мать Меган.

Меган оказалась в числе тех, кто решил покинуть это место.

— Для начала, больше не будет никаких очищений.

По комнате эхом разносятся судорожные вздохи.

— Здесь нет пленников. Вы свободные люди. Ваша вера не привязана к этому острову. Она живет внутри вас и повсюду. Она в воздухе, которым вы дышите, в пении птиц по утрам, в биении волн о берег.

Я улыбаюсь, думая о воде.

— Нам разрешат плавать, и мы научим этому наших детей. Мы познакомимся с внешним миром и пригласим сюда гостей, которые нам о нем расскажут, — говорит мама, глядя на меня, и в ее глазах стоят слезы. — Мы будем легко прощать и сильно любить. Человек, которого мы для себя выберем, не будет нам навязан. Мы будем свободны вступать в брак или не вступать в него, если это не то, чего мы хотим.

Встает главный приспешник моего отца.

— Это нелепо, — усмехается он.

— Ты можешь уехать. — Моя мать выпрямляет спину, свирепо глядя на него в ответ.

Он оглядывает комнату, затем садится на свое место. Таким людям, как он, не выжить в мире за пределами этого острова, и он это знает.

— Есть какие-нибудь вопросы?

Никто не двигается с места, люди не привыкли к тому, чтобы им разрешали задавать вопросы.

— Не бойтесь, — уговаривает моя мама и медленно, одна за другой, поднимаются руки, а на лицах проступают улыбки.

У нее получилось.

Я надеваю на шею цепочку, оставшуюся после того, как Илай сорвал ее у меня с шеи, Кларин кулон в виде сердца вместе с таким же моим.

Клара навеки останется со мной. Я буду жить за нас обеих.

Эпилог второй

Кэш

Прошло больше трех месяцев с тех пор, как я привез Мону домой, в особняк. Я переехал обратно, предоставив мой городской дом в распоряжении Клаудии. Как избавиться от трупа нашего отца стало очевидным после смерти отца Моны. Мы заплыли подальше в океан, нагрузили тело отца кирпичами и выбросили. В этой воде, скрывающей наши преступления, много крови. Полиция просто предположила, что отец был виновен в убийстве Аннемари и поэтому сбежал. Нам повезло, что они не захотели рыть дальше. У нас достаточно денег, чтобы сделать жизнь тяжелой и затратной, поэтому они выбрали простой вариант.

По комнате разносится мелодичная музыка. Мона танцует, ее движения более изящны и ритмичны, чем когда она впервые сюда приехала. Колт наблюдает за ней голодным взглядом, в его пальцах зажат стакан, на шее ослабленный галстук, пиджака нет, рукава закатаны. Она дразнит его, покачивая бедрами и своей круглой, спелой попкой.

У меня по телу бегут мурашки, начинает бешено колотиться сердце, в ушах шумит кровь в предвкушении того, что должно произойти.

— Кого ты хочешь, милая островитянка? — спрашивает Колт.

— Почему я должна выбирать? — ухмыляется Мона, переняв у него дьявольскую ухмылку, и зажимает между указательным и большим пальцами флакончик со смазкой.

— Непослушная девочка, — рычит Колт, потирая через брюки свой член.

— Ты хочешь нас обоих? — Я стягиваю через голову футболку и ослабляю ремень, расстегивая на джинсах несколько пуговиц.

— Я жадная, — мурлычет Мона. — И умираю с голоду.

Она облизывает губы.

— Черт, — стонет Колт, допивая из своего стакана остатки, а затем следует за ней через

комнату.

Она поднимает платье к бедрам, талии, груди, а затем стягивает его через голову и бросает на пол.

Обнаженная, кремовая плоть. Темные, розовые соски, твердые и готовые к ласкам. Изящный пупок. Выступающий, слегка округлившийся живот с нашим ребенком. Она сногшибательна. И наша.

Колт сжимает ее в объятиях, заявляя на нее свои права, пробуя на вкус, любя.

Я стягиваю с бедер джинсы, сажусь на диван, поглаживаю ствол своего члена, потираю подушечкой большого пальца Принца Альберта.

— Посади ее ко мне на колени, брат, — приказываю я.

Подведя Мону ко мне, он сажает ее ко мне на колени, все еще лицом к себе, и опускает на мой член.

От моего проникновения у нее перехватывает дыхание, мой толстый член растягивает ее, проникая глубоко внутрь.

Я прижимаю Мону спиной к своей груди, посасывая губами ее шею, помечая ее, мну ладонями ее сиськи, сжимаю чувствительные соски. Она приподнимает бедра и опускается снова и снова медленными, чувственными движениями. Каждый гребанный раз внутри нее интенсивен как самый первый.

Колт пощипывает ее клитор — поглаживает, сжимает, поглаживает, сжимает — пробуждая к жизни все нервные окончания.

Вокруг нас звучит любимая музыка Моны, наши тела ощущают биение пульса. С каждым движением моих бедер дыхание Моны ускоряется.

— Черт возьми, ты прекрасна, — со стоном произношу я.

Колт сбрасывает с себя одежду, наблюдая, как мы трахаемся.

— О Боже, я сейчас кончу, — кричит она, извиваясь в экстазе.

Прежде чем я успеваю последовать за ней, Колт заключает ее в объятия. Она садится на него сверху и с удовлетворенным стоном опускается на его член. Колт ложится спиной на пол, сжимая бедра Моны, направляя ее движения, а она скачет на нем, дикая и чертовски свободная.

Я встаю на ноги, хватаю Мону за волосы и, пока она трахается с моим братом, запрокидываю назад ее голову и просовываю сквозь ее сочные пухлые губы свой член.

Она проводит языком по пирсингу и со страстным стоном слизывает предэякулят. Я, одобрительно рыча, с резким звуком вынимаю его у нее изо рта.

Схватив с пола пузырек со смазкой, я наношу ее на свой член и занимаю место позади Моны. Колт обхватывает ее за шею и притягивает к своим губам, открывая мне доступ к ее маленькой упругой попке. Я провожу пальцами вверх по ложбинке между ее ягодиц, смазывая дырочку, затем погружаю внутрь палец, потом два, борясь с мышцами, пытающимися меня вытолкнуть.

— Трахни меня, Кэш. Я хочу чувствовать нас всех вместе, — настаивает она, и в ее голосе звучит отчаяние и желание.

Приподняв свой член, я проталкиваюсь внутрь, чувствуя сквозь тонкий слой плоти член Колта.

— О, черт... черт..., — стонет Мона, уткнувшись в шею Колта.

Я толкаюсь глубже, затем выхожу, дразня ее, пока не погружаюсь по самые яйца.

— Я чертовски люблю тебя, — кричит она, и мы с Колтом усмехаемся.

— Это не считается, когда я внутри тебя, — напоминаю я ей.

— Нет считается, если ты у меня в заднице, — парирует она, наклоняясь вперед, затем отталкиваясь назад.

— Блядь! — кричит Колт.

Она теряется в ощущениях, прижимаясь к нам обоим, подбирая удобный ей ритм и сводя нас с ума от удовольствия.

Когда наступает оргазм, дыхание Моны обрывается, ее тело извивается, с губ при вдохе срывается мурлыкающий стон, и киска и попка сжимаются, вынуждая нас излить в нее наше горячее семя, выдаивая нас до капли.

Мы падаем кучей потных конечностей и удовлетворенных улыбок.

— Я люблю тебя, — бормочет Мона, ее грудь поднимается и опускается в попытке отдышаться.

Ее слова наполняют меня глубокой гордостью и удовлетворением.

— Я тоже тебя люблю.

Я наклоняюсь и целую ее губы, небольшую впадинку между грудей и бугорок живота.

Это и есть любовь.

Эпилог третий

Колт

В воздухе витает густой аромат секса, мы лежим вместе, смеясь и разговаривая обо всем и ни о чем.

— Кто утолит мой голод? — спрашивает Мона мечтательным голосом.

— Не может быть, что ты готова к большему, — усмехаюсь я и, поглаживая ладонью ее киску, чувствуя оставленный там беспорядок.

— Мне нужна настоящая еда, — смеется Мона, хлопнув меня по руке.

— Я закажу пиццу, — говорит Кэш, вставая и натягивая джинсы.

— Можно мне баночку Нутеллы, пока я жду? — надувает губы Мона, и он, как последний придурок, убегает за угощением для нашей голодной беременной мамы-медведицы.

— Ты уже подумала, как назовешь ребенка? — спрашиваю я, поглаживая рукой ее еле наметившийся бугорок.

— Да, но это меня пугает.

Я приподнимаюсь на локте, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Почему?

— Потому что я хочу назвать ее Кларой, но что, если при звуке ее имени мне будет становиться грустно?

— Детка, Клара — прекрасное имя, и у нее была прекрасная душа. Ты делаешь это в память о своей сестре. Это принесет тебе радость, а не печаль.

Мона потирает грудь над сердцем.

— Я все еще чувствую на сердце шрамы от ее потери.

— Сердце — это хрупкая вещь. Подобно однажды разбитому стеклу оно меняется навсегда. На твоём сердце нет шрамов, детка, оно полно воспоминаний. В нём живет Клара. Однажды это перестанет причинять боль, и при воспоминании о ней ты почувствуешь умиротворение.

Я беру ее на руки.

— У меня сердце с изъяном? — спрашивает она, вызвав у меня улыбку.

— У всех бриллиантов есть изъяны, детка. Даже с изъянами, твоё сердце для меня идеально, маленькая островитянка.

— Я надеюсь, ты чувствуешь то же самое по отношению и к остальным частям моего тела — особенно после того, как я вытолкну из него ребенка.

Из моей груди вырывается громкий взрыв смеха и разносится по комнате.

Я утыкаюсь головой в изгиб ее шеи. Она очаровательна.

— Я люблю каждый дюйм твоего тела сейчас и буду любить всегда, что бы ни случилось, сколько бы растяжек ты ни приобрела, вынашивая наших детей, и сколько бы у тебя ни появилось морщин. Я буду любить каждую новую отметину, каждое пятнышко и несовершенство, потому что ты делаешь их идеальными. Я буду поклоняться тебе с этого дня и еще миллионы дней после, а затем вечно в загробной жизни.

— Значит, ты любишь меня, да? — улыбается она.

— Черт возьми, я действительно люблю тебя. Мне кажется, я полюбил тебя с той секунды, как тебя выбросило на мой берег.

— В тот день ты лишил мои легкие воздуха, — она проводит пальцем по моему носу, затем по губам. — А потом наполнил их жизнью.

Я касаюсь губами ее губ, лелея каждое слетающее с них слово.

— А ты, как ночная воровка, украла мое сердце, и с тех пор крадешь его каждый день.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net